

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

ТАЙНА СЕРЕБРЯНОГО ФРЕГАТА

Журнальный вариант

Глава 1

По прочтении – сжечь

В последний день жаркого июля началась эта история с атомным крейсером «Петр Великий» и серебряным фрегатом «Штандарт» — таинственная, шумная, смешная, страшная...

Пятнадцатилетний Глеб Федотов — школьник, волонтер частного детектива Ярослава Грая, нетерпеливо смотрел в окно трехэтажного каменного особняка на проспекте Стачек, 72-б, в котором размещалось агентство. Ярослав Грай со своим помощником Виктором Крыловым, бывшим полковым разведчиком, где-то задерживались. А к ним уже мчался из Кронштадта новый клиент — командир военно-морской базы контр-адмирал Пенин.

За четверть часа до назначенного времени они примчались на запыленной машине — усталые, грязные.

Контр-адмирал на черной «Волге» со скуластым мичманом Никольским за рулем прибыл на четыре минуты раньше обещанного. Но Грай уже принял душ, наскоро перекусил и со взлохмаченной прической, наспех высушенной феном, встретил его в прихожей у открытой двери.

Глебу флотский командир понравился — энергичный, от его баса люстра в прихожей задрожала, небольшая черная борода и усы лихого гуляки. Но при внимательном взгляде было заметно, что в глубине его глаз плавала тревога.

Военачальник прошел в кабинет, и звуконепроницаемая дверь за ним закрылась. Обиженный Глеб прошел на камбуз, так в доме называли кухню, где хозяйничал старый Бон-

дарь — бывший рыбацкий капитан, владелец дома, по совместительству выполнявший обязанности кока. Тот понял настроение подростка и улыбнулся ободряюще:

— Что, не взяли с собой в кабинет?.. Не спеши взрослеть, еще успеешь наслушаться страшных историй и погоняться за преступниками. Загадок и тайн на твой век хватит.

В переговорном устройстве, вмонтированном в стену, два раза пискнул птенец чайки — это Грай просил кофе. Предусмотрительный Бондарь снял с огня горячий кофейник, поставил на поднос, где уже красовались три чашечки из китайского фарфора и сахарница, предложил Глебу:

— Сходи, пожалуйста, угости контр-адмирала.

Глеб обрадовался возможности побывать в кабинете во время беседы с важным клиентом, засуетился, едва не опрокинул поднос на Бондаря. Страшно смутился, но все же взял себя в руки и не дыша направился в кабинет.

Угловой диван из черной кожи, на котором обычно сидели клиенты, пустовал. На большом столе Грая была развернута карта, все трое стояли рядом, и Пенин, чертя по ней пальцем, что-то объяснял, а Крылов быстро записывал его рассказ в блокнот.

При появлении Глеба контр-адмирал оборвал себя на полуслове, подозрительно покосился на подростка. Глеб аккуратно поставил поднос на край свободного стола у двери и каждому налил чашечку дымящегося кофе. При этом искоса взглянул на карту. Поверху на ней было написано крупным шрифтом: «Кронштадт». А в том месте, куда показывал палец Пенина, удалось рассмотреть надпись: «Судостроительный завод», рисунок дока, тщательно прорисованный крейсер с надписью «Петр Великий». Тут же близко друг от друга атели три креста, поставленные красным карандашом.

Крылов махнул на Глеба шариковой ручкой, — не задерживайся здесь.

Через час дверь кабинета открылась. Пенин принял из рук Глеба фуражку, кивнул головой:

— Спасибо за кофе, — вышел на улицу и укатил в свой Кронштадт.

Закрыв за новым клиентом дверь, Крылов пригласил Глеба в кабинет. Карта Кронштадта все еще лежала на столе. Грай смотрел на нее, в

раздумье потирал переносицу указательным пальцем, словно поправлял несуществующие очки. Движением руки подозвал Глеба:

— Сейчас мы с Виктором уедем. Обычно в наше отсутствие у телефона дежурит один из опытных детективов, которых мы иногда привлекаем для помощи. Но сегодня останешься ты, потому что уже познакомился с Пениным. Думаю, справишься.

Глеб знал, что никаких вопросов перед операцией задавать нельзя, ему и так скажут, что нужно, но все же не утерпел:

— Вы отправляетесь в Кронштадт?

— Всем станешь отвечать — мы уехали в Выборг по срочному делу, пробудем там несколько дней.

— Понял, вы в Выборге, — повторил Глеб.

— Чтобы ты мог правильно сориентироваться, в случае необходимости, в общих чертах расскажу о предстоящем деле.

— Слушаю внимательно, — стал совершенно серьезным Глеб, понимая, что начинается новый этап в его жизни.

— Из газет ты знаешь, что в Кронштадте, в сухом доке, достраивается гордость нашего военно-морского флота атомный крейсер «Петр Великий». Очень дорогой корабль, который значительно усилит мощь нашего Северного флота. Кронштадтцы им гордятся и дорожат. Но в крепости нашелся человек, назовем его «поджигатель», который думает иначе. Этот опасный негодяй сумел два раза устроить пожар на самом крейсере и один раз в доке. К счастью, команда крейсера, а народу на нем пока еще мало, только специалисты, дисциплинированная, бдительная, эти пожары быстро и без больших потерь сумела ликвидировать.

— Может, случайность? — предположил Глеб. — Знаете, сварка, искры летят.

— Один пожар может быть случайным, но три подряд — это уже говорит о другом. Пенин покой потерял, вечером засыпает в тревоге и утром первым делом звонит в док, узнает, не было ли пожара? Силовые структуры флота с ног сбились — ищут поджигателя. Но он чрезвычайно хитер, умудряется обвести их вокруг пальца. Неизвестно даже, кто он — судостроитель, вольнонаемный, гражданское лицо или военный моряк?

Глеб думал и не мог понять, как же станет работать Грай:

— Если местные бессильны, что сможете сделать вы, люди со стороны? На вас станут пялиться как на чужаков, следить за каждым шагом.

— Молодец, в корень смотришь, — одобрил замечание Грай. — Но дело может обстоять еще хуже. Может случиться так, что поджигатель настолько хитер и могуществен, что прослушивает звонки контр-адмирала. В таком случае он слышал сегодняшний звонок из Кронштадта, уже поджидает нас и может устроить «дружеский» прием.

На прощание погрозил пальцем Глебу:

— На телефоне не спи, подстрелят. Или укарадут.

Вышел на улицу, завел «Ниву», и они с Граем уехали, помчались вслед за контр-адмиралом.

Глебу в голову не могло прийти, что простое дежурство у телефона может быть таким утомительным делом.

На третий день без четверти одиннадцать подал голос телефон. Глеб схватил трубку:

— Детективное агентство Ярослава Грая. У телефона волонтер Глеб Федотов.

— Добрый день, — пророкотал знакомый бас. — Это контр-адмирал Пенин из Кронштадта. Мне срочно нужен Грай.

Глеб онемел от изумления — о чем он говорит? Ведь детектив три дня назад уехал в морскую крепость на помощь адмиралу, да так с тех пор не показывался дома и не послал весточку. Куда же он делся? И что ответить клиенту? Сказать правду? Ведь Пенин военный человек, умеет хранить военную тайну!.. И все же Глеб не решился нарушить инструкцию, срывающимся голосом произнес:

— Детектив Грай уехал по срочному делу в Выборг.

Теперь контр-адмирал чуть не задохнулся от возмущения:

— Какой еще к черту Выборг? Что за новости? Что он там забыл? У меня важнейшее государственное дело!.. Вы со мной откровенны?

— Да, откровенен, — промямлил Глеб. — Грай в Выборге.

— Быть этого не может! И когда уехал?.. А когда вернется?.. Вот и надейся на частных де-

тективов. У меня крейсер еще раз подожгли, а он уехал в Выборг гонорар зарабатывать...

В этот момент под окнами особняка послышался визг тормозов, хлопнула дверца машины.

— Подождите у телефона, — обрадованно закричал Глеб.

Глеб с Бондарем выбежали на улицу и, к своему ужасу, увидели, как Грай вытаскивает с заднего сиденья Виктора. Тот ранен в бедро, брючина располосована ножом и в проем виден окровавленный бинт. Бондарь и Глеб подхватили беднягу и потащили на второй этаж, в его комнату. А тот, закусив губу, волочил истерзанную ногу, на полу прихожей и на лестнице остались следы крови.

Грай подошел к телефону, подышал в трубку, успокаиваясь и подбирая слова для сообщения контр-адмиралу:

— Не исключено, что ваш телефон на прослушке. Скоро прилетит почтовый голубь, ждите, — и повесил трубку. Тут же набрал номер телефона профессора Вольфсона. Он жил в соседнем доме, имел частную практику и принимал больных на дому. Торопливо проговорил:

— Доктор, Григорий Яковлевич, выручайте... Виктор Крылов ранен из пистолета в бедро. Потерял много крови. Пуля застряла в ноге. Прошу вас, как можно скорее идите к нам, да не забудьте хирургический инструмент.

После этого Грай рухнул в кресло, закрыл глаза, пробормотал:

— Извини, Глеб, придется тебе еще подежурить. Я трое суток не спал.

Глеб подхватил ведро и морскую швабру, стал смывать кровь в прихожей.

Через две с половиной минуты профессор Вольфсон прямо в голубом докторском халате, с пузатым саквояжем в левой руке, дыша как паровоз, все-таки пять десятков лет за плечами, поднялся на крылечко и зашпешил на второй этаж, стараясь не поскользнуться на мокрых ступеньках. Оттуда, сверху, через открытые двери послышался его уверенный голос:

— Господин Бондарь, тазик с водой... спирт достаньте из моего саквояжа, видите, у меня руки вымыты... Щупом измерим глубину раны, отыщем пулю... Вот она... Здесь, теперь никуда не денется... Глубоко чертовка вошла, видно, с близкого расстояния стреляли... Сей-

час я ее пинцетом схвачу... Держись, солдат... Не падай в обморок... Бондарь, нашатырь под нос, да не путайте со спиртом, вон в том пузатеньком флакончике... Теперь аккуратно захватим пулю... Знаю, больно... И кровяшка хлещет, темная, вена задета... Потерпи немного, солдат... Сейчас вырву свинцовую твою занозу... Держись, гвардия...

Грай побледнел, оглянулся, словно искал икону, и трижды перекрестился, глядя на восточный угол:

— Боже милосердный, помоги доктору Вольфсону! Боже, помоги спасти Виктора...

Затем короткий стон, крик Крылова и звяк пули о дно тазака.

С минуту обессиленный Грай недвижимо сидел в кресле. Затем тяжело вздохнул, поднял глаза на Глеба. Спросил шепотом, то ли в шутку, то ли всерьез:

— Оружие есть?

— Имеется, — твердо ответил Глеб

— Покажи!

Глеб ткнул пальцем в лоб:

— Всегда при мне.

Грайд одобрительно кивнул:

— Тогда в путь... Так, как есть, в спортивном костюмчике, да еще курточка сверху, да кепарик.

Достал белый конверт, размашисто написал: «Контр-адмиралу Пенину, лично в руки. Срочно». Сунул в конверт чистый лист бумаги, запечатал сургучом. Поманил Глеба пальцем:

— Письмо покажешь дежурному в штабе, чтобы не держали в приемной, немедленно пропустили к командиру. А то можешь просидеть там... Главное сообщение передашь вот таким способом...

Написал на листке из календаря всего два слова: «Человек в погонах». Дал прочитать, затем вынул из ящика стола зажигалку, поджег листок, пепел растер в пепельнице.

— По прочтении — сжечь. Понял? Так же поступишь и там. Рядом с телефоном, даже если трубка не снята, ничего не говори.

Вынул из сейфа карманные часы с крышечкой и цепочкой, имеющей на конце прищепку:

— С этими часами не расставайся, — сказал многозначительно.

Еще вынул из ящика стола и вручил радиотелефон, зажигалку, шариковую ручку. Деньги на

такси до Кронштадта, туда и обратно, столько же прибавил на непредвиденные расходы... Велел зайти на камбуз, взять из холодильника большой ломоть ветчины да еще батон.

Вызвал такси на дом и вышел на крыльцо проводить.

— Это сообщение про поджигателя? — спросил Глеб.

Грайд сердито шурился, как бы оправдывался сам перед собой:

— У нас не было никакой зацепки, негодяй действительно оказался дьявольски ловок, скользкий, как уж... Утром, перед сменой, устроили ему засаду около дока, где достраивается крейсер. Переоделись в форму охранников. Стали недалеко от проходной. Я решил — он увидит новых людей, дрогнет, может проявить себя. Так и вышло — не дошел до проходной, остановился — Крылова обезножил первой же пулей... Смелый, до безумия смелый. Противник хоть куда. Редко такого встретишь. Не побоялся стрелять среди толпы. А потом сумел скрыться в суматохе... Шел уверенно, значит, документы имел не поддельные, а настоящие, пропуск с нужными печатями и подписями для прохода на военный объект. Полагаю — он сам, или его человек, может находиться в штабе... Если я, конечно, не ошибаюсь.

— Мы... не отступим?.. Из-за Виктора, ведь он теперь сильно ранен, не сможет... — смущаясь, пробормотал Глеб.

— Не сможет, — согласился Грайд. — Теперь остались в строю — ты да я, да мы с тобой... Ладно, не робей, если потребуется — подключим резерв.

— Вы намерены немедленно вернуться в Кронштадт?

— Сначала надо Крылова подлечить. Слишком много потерял крови... Без него мне — никак. Надежен, как скала. Да и привык к нему, словно сын родной стал.

Глеб застегнул легкую бежевую курточку. Проверил — часы в одном кармане, конверт в другом. Потуже натянул на голову кепарик. Говоря о своем оружии — ничуть не шутил. Прежде два года ходил в радиокружок и обладал достаточными знаниями. За эти два месяца достал нужные радиодетали, журнал «Техника молодежи» с чертежом. Паяльник у него был. Еще приготовил нитки, иголку, ножницы. Собрал

оригинальный прибор, который спортсмены применяют для «охоты на лис», и вшил его под подкладку кепарика. Прибор получился плоский и был почти незаметен, главная изюминка заключалась в помпоне, который пришил сверху. В нем же хранился «жучок». Выглядел кепарик несколько вызывающе, но Глеба это обстоятельство не смущало. Скорее всего, новинку не придется пускать в дело, но кто может знать? Юному детективу, каким уже считал себя Глеб, хотелось попробовать собственные силы.

К особняку подкатило такси, белая «Тойота». Грай бросил взгляд на номер, помахал рукой :

— Ни пуха ни пера... Назад можешь отправить на «Метеоре», поглядишь на Питер со стороны моря. Позвони, когда выйдешь от Пенина. До вечера.

Но они еще не знали, что крутая пружина детектива уже захватили Глеба и не позволит в ближайшие дни вернуться домой.

Глава 2 Разбудить до рассвета

Водитель такси попался опытный, и машина вихрем полетела по городу.

Город кончился. На берегу залива машина задрала нос и въехала на дамбу, печально знаменитую дамбу, которая по замыслу ее строителей должна была спасти город от наводнений, но так и осталась недостроенной.

Остров Котлин, с его полями, городами, высокими деревьями, показался Глебу весьма значительным. Кронштадт с его крепостной стеной из старинного красного кирпича, с обилием офицерских фуражек, матросских бескозырок и грозными патрулями на улицах показался настороженным, таинственным, грозным.

Водитель такси легко нашел нужное место на набережной Кронштадта. Глеб вышел из машины, и тихая радость охватила его. Да и как же не радоваться молодому питерцу, попавшему в место, которое дорого сердцу, которое не единожды упоминается в учебниках истории. С одной стороны берег легендарного острова, Петровская гавань из отесанных гранитных глыб, в ней стоят современные боевые корабли с пушками, ракетами, покачиваются на волнах,

трепещут Андреевские флаги, не спят — шевелятся локаторы на кораблях, у трапов прохаживаются бдительные часовые. Рядом парк со столетними деревьями, с ровными дорожками и памятником основателю города и крепости Петру Великому. А за ним залив со свинцовыми волнами. С другой стороны дворец первого коменданта города светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. В нем расположен штаб военно-морской базы, где ждет доведенный почти до отчаяния контр-адмирал. Было от чего заволноваться мальчишке, выросшему в портовом городе, в морской семье.

За тяжелой резной дверью Глеб попал в строгую, напряженную атмосферу. За барьером сидел матрос с повязкой на руке, насупленный капитан-лейтенант, тоже с повязкой дежурного, с пронзительным взглядом узких, с раскосинкой глаз, с небольшими усиками. Он взглянул на Глеба, как коршун на цыпленка. Причем матрос и офицер были при оружии, которое держали чуть сдвинутым к животу, чтобы легче выхватывать из кобуры.

— Вы к кому, юноша? — спросил офицер четким громким голосом.

Глеб, боясь, что его прогонят, показал письмо, запинаясь от робости, с трудом объяснил, к кому идет.

— Давайте рапорт, я передам, — протянул руку дежурный. — Если контр-адмирал захочет видеть, я пропущу вас.

Рука Глеба дрогнула. Дежурный молниеносным движением выхватил письмо:

— Если я говорю, давайте рапорт, то надо его немедленно отдать. Это вам не школа, у нас свои порядки. Ждите здесь. Дневальный, не спускайте глаз с пришедшего, вдруг он окажется поджигателем или его сообщником.

— Есть не спускать глаз, — ответил матрос, поднялся со стула и с любопытством стал рассматривать пришедшего.

— Вы не смеее отнимать письмо! — заволновался Глеб.

Но офицер и не подумал ему отвечать. Изобразил усмешку сухими тонкими губами, так что усики зашевелились, затопорщились, и, размахивая письмом, скрылся за дверью.

Глеб со злобой посмотрел ему вслед — Бог знает куда по пути может заглянуть конверт,

хорошо, что Грай положил в него пустой лист. А этот дежурный, сразу видно, из штабных, береговая, бумажная крыса. Офицер с боевого корабля ни за что бы не позволил себе такого обращения с незнакомым человеком, да еще к тому же — курьером. Может, он и есть поджигатель? Ну и усики у него — как у крысы. А взгляд ну точно шпионский.

Через две с половиной минуты дежурный вернулся, очень довольный собой.

— Ваше письмо уже на столе контр-адмирала. Сейчас вас отведут к нему.

Следом вошел другой офицер, сухой, жилистый, глазастый, остролицый, с небольшими усами и остренькой бородкой, похожий немного на кабинетного ученого.

— Капитан третьего ранга Орлов, — представился он. — Контр-адмирал Пенин ждет вас, молодой человек. Следуйте за мной.

Быстрым шагом пошли они по длинным переходам дворца, где легко можно заблудиться. Орлов открыл обитую черной кожей, звуко-непропускаемую дверь, пропустил Глеба перед собой в кабинет Пенина.

— Входите, молодой человек.

Сам прошел следом и сел, совсем близко к адмиралу, как свой, как особо доверенный, у стены, сплошь заставленной стульями.

Перед адмиралом лежал разорванный конверт и пустой лист бумаги. Глаза его сверкали:

— Я так понимаю, что сказать вам нечего. Я зря потратил время. И репутация у вашего шефа дурная. Что велено передать на словах?

Говорил Пенин, не называя имен, и Глеб понял, что его инкогнито теперь не будет раскрыто.

— Разрешите ваш календарь, — попросил Глеб, подходя к столу, — на минуту.

Вывал два листка, прикрыл грудью, как делал в школе на уроке, когда не хотел дать соседу подглядеть, торопливо написал: «Человек в погоне». Прикрыл текст вторым листиком и положил перед командиром.

Контр-адмирал приоткрыл листик, словно оболочку, прочитал написанное раз, другой, третий. Затем сложил листки.

Глеб вытащил из кармана зажигалку. Чиркнул колесиком и поднес к листкам. Но газовая зажигалка, как назло, не сработала. Чиркнул еще раз пять, ничего не получалось.

— Сразу видно — некурящий, — рассмеялся Орлов. — Дай-ка мне зажигалку.

Чиркнул колесиком, и сразу вспыхнуло пламя.

Контр-адмирал понес к огню листики, они занялись, зашевелились, разошлись и быстро сгорели. Заметил Орлов написанное или нет, Глеб не понял. Пенин в задумчивости размешал пепел карандашом. С минуту переваривал полученную информацию и мрачно спросил:

— Твой шеф не ошибается?

— У него нет такого обычая, — гордо ответил Глеб. — Вы же знаете его репутацию.

Пенин нахмурил лоб, пробормотал: «Если так, то ситуация хуже, чем я предполагал. Присядайте, Глеб». Снял трубку, набрал номер агентства:

— «Голубь» прилетел, принес ваше слово... У меня были другие сведения. Вы уверены в полученной информации?.. Уточнить сможете?.. Позднее? Ладно. Это круто меняет направления поиска...

Затем Пенин, наверное, вспомнил ароматный кофе, которым угощал его Глеб, поэтому улыбнулся, стал приветливее, спросил:

— У вас имеется желание, которое я могу исполнить?

Глеб улыбнулся:

— Давно мечтал побывать на настоящем боевом корабле и встретить рассвет на берегу острова.

Адмирал дважды нажал кнопку на краю стола, и в кабинет вошел мичман Никольский.

— Отведите молодого человека на противолодочный корабль «Гангут», — приказал ему Пенин. — Передайте мою просьбу капитану — гостя накормить, дать возможность переночевать и разбудить до рассвета.

Когда Глеб направился к выходу, кап-три Орлов, все так же терпеливо сидевший с бумагами в руке рядом с контр-адмиралом, подмигнул на прощание как хорошему знакомому.

На улице Глеб извинился перед Никольским, отошел в сторону и позвонил Граю, сказал, что поручение выполнил. Шеф, к его удивлению, велел самым подробным образом рассказать, кто при этом присутствовал, с кем Глеб встречался в штабе, кто и что говорил, потребовал дословно воспроизвести разговор, что Глеб с некоторыми затруднениями сделал. Затем спросил, можно ли ему остаться в Кронштадте?

Ночевать он по приказу контр-адмирала сможет на военном корабле, там ничуть не опаснее, чем в домашней постели, а впечатлений гораздо больше. Получив разрешение шефа, позвонил домой и предупредил маму.

Мичман Никольский повел Глеба по Петровскому парку, по ровной дорожке. Отдал честь бронзовому Петру, державшему руку на рукоятке шпаги. Глеб тоже козырнул, задрал голову наверх. Прошли мимо караульного домика, по прямому как стрела бетонному пирсу, к которому в ряд были пришвартованы военные корабли. Пришвартованы кормой. Готовые в любой миг ринуться в море. Плескалась вода, кричали гортанно чайки, хлопали на ветру флаги, антенны кораблей прощупывали горизонт, пушки и ракеты на кораблях чутко вслушивались в тишину вечерних сумерек. Военный Кронштадт нес боевое дежурство на Балтике.

Корма «Гангута» оказалась самой высокой, круто вздымалась над пирсом. Мичман легко взбежал по пружинистому трапу, представил Глеба дежурному по кораблю, передал просьбу Пенина. Затем показал корабль, вместе с Глебом слезал на мачту.

На прощание мичман Никольский хлопнул Глеба по плечу:

— Думаю, скучать тебе в Кронштадте не придется. Морская служба — это не работа. Это — постоянные приключения.

Глеба поселили в отдельной двухкомнатной адмиральской каюте. Вахтенный вручил ему ключ:

— Вы — гость капитана. Живите сколько хотите.

Глава 3

Драться надо, так дерись

Воздух в каюте был свежий, чистый, но парнишка все же открыл иллюминатор, чтобы лучше слышать плеск волн, крики чаек. Вечером, засыпая, перебрал в памяти все увиденное, смотрел на темнеющее небо, на котором загорались звезды.

Глеба пришлось изрядно потрясти за плечо, прежде чем он сумел приоткрыть глаза. Спро-

сонок не сразу понял, где находится, спросил:

— Вы кто?.. В чем дело?

— Я вахтенный матрос. Вы наш гость, которого контр-адмирал Пенин велел разбудить до рассвета.

— Какой к черту рассвет, — проворчал Глеб. — Вон луна посреди неба.

Но вахтенный не дал уснуть:

— Скоро рассвет. Если адмирал велел встать, значит так и следует сделать. Просыпайтесь.

Глеб был уверен, что только что лег и даже заснуть по-настоящему не успел, поэтому упорно не открывал глаза. Тогда дневальный вылил ему на голову стакан воды.

Лежать на мокрой подушке расхотелось. Глеб сел, открыл один глаз, простонал с возмущением:

— Боже мой, еще глухая ночь! Вы явно перестарались!

— Приказ контр-адмирала — закон. Еще воды?

— Берегите пресную воду, — ответил Глеб. — Мы на острове.

Дневальный рассмеялся и ушел.

Голодный как акула, зато довольный и веселый, еще затемно, при свете корабельных стояночных огней и мелькавшей среди облаков луны, спустился Глеб по крутому трапу с высокой кормы «Гангута».

С полуосвещенного пирса свернул направо и сразу оказался в густой темноте старого Петровского парка.

Вдоль гранитного берега стояли белые скамейки. Глеб сел на одну из них, чуть влажную от ночной сырости, вытянул ноги. Подумал — как тут хорошо мечтается, как хорошо думается... Но он не успел ни о чем подумать, ни о чем помечтать. Из ночного мрака бесшумно появились два мрачных типа в темной одежде, шапочках, натянутых на лица, с прорезями для глаз и рта... Сердце мальчишки сначала остановилось, потом застучало часто-часто — бандиты?.. Ограбление? Или сам поджигатель его выследил? Что им нужно от него?

— Это щенок из Петербурга, от Ярослава Грая. Он здесь один, — сказал первый глухим, плохо различимым сквозь материю голосом.

Бежать было некуда. Подошли с двух сторон, сели рядом.

Глеб растерянно посмотрел на одного, на

другого — крепкие мужики, с ними не совладаешь. Закричать, позвать на помощь? Но кругом тьма и пустота, нет никого. Что им нужно?

— Мы про тебя все знаем, — глухим голосом сказал один. — Ты вечером ходил к контр-адмиралу. Расскажи, о чем вы с ним толковали?

— Все дословно перескажи, — таким же глухим голосом добавил второй. — Не то мы из тебя душу вытрясем.

«Это не ограбление, — с ужасом подумал Глеб. — Это явились люди, которые поджигали крейсер. Они готовы на все, Виктора Крылова ранили».

Глеб попытался вскочить, но его схватили за руки и усадили обратно.

— Ты, видно, не понял, — сказал один. — Мы шутить не будем.

Второй резко взмахнул рукой. Глебу показалось, что неподалеку раздался грохот пушки и раскаленное ядро попало ему в голову. Успел удивиться, откуда здесь пушка, отчего так больно? На мгновение даже потерял сознание, но быстро пришел в себя.

«Что бы на моем месте сделал Грай? — подумал Глеб. — Наплел бы с три короба? Вряд ли мне удастся их провести, похоже — хорошо проинформированы. Только не знают самого важного. Значит, Грай на правильном пути... А если прыгнуть в воду и поплыть к кораблям?.. В воду, — решил Глеб, — прыгну в воду и поплыву к кораблям, там мое спасение», — и стал вырываться молча и зло.

Его схватили еще крепче, припечатали к скамейке — не шелохнешься.

— Видно, по-хорошему не понимаешь, — сказал первый.

Второй снова поднял руку...

— Флаг и гюйс поднять! Отдать швартовы... Прямо руля... — послышался неподалеку хриловатый голос и легонький стук палочки, с какой ходят слепые, о гранитные ступеньки. К ним приближался, покашливая, побряхтывая и постанывая, старикан, насколько Глеб смог рассмотреть, в мятой фуражке, с жалкой бороденкой, в несуразных клетчатых штанах, пригодных разве для клоуна в цирке, при этом непрерывно разговаривая сам с собой. — Боцман, слышу шум впереди. Никак турецкий парусник зашел в наши воды?

Старик остановился в трех шагах от скамейки.

— Это что за видение? — спросил один бандит.

— Похоже — старая перечница из парусных капитанов. Воображает, что идет по курсу под парусами.

— Старик, застегни пуговицы на форточке, подыми паруса и топай дальше, не заслоняй горизонт, — сказал первый.

Второй встал, замахнулся пятерней:

— Паруса порву... Руль выверну...

Старик откашлялся:

— Боцман, свистать всех наверх... Пред нами турецкая эскадра. Хвост подняла! Орудия к бою! На бордаж!

Коротко свистнула по воздуху палочка, и поднятая пятерня обвисла, словно засохшая веточка.

— Правым бортом огонь! — Второй удар пришелся точно в лоб, голова бандита откинулась назад, словно бильярдный шар, третий удар в грудь — обмякшее тело шлепнулось на скамейку.

Глеб решил, согласно полученной инструкции, в рукопашной участия не принимать. Но упустить удобный момент не захотел. Сполз на землю, выхватил из кепарика булавку с жучком на конце, схватил рухнувшего на скамейку бандита за ногу — ботинок на нем оказался из замши, на толстой подметке, похоже — итальянский, с рантом, хранил запах бензина. И — получи бандит подарок от юного детектива — вколол булавку с жучком под пятку, над каблуком.

Первый бандит выхватил нож, тускло блеснувший под лунным светом, с глухим ревом бросился на старика, целя в живот:

— Твою... мачту, вместе с парусами, под корень срублю...

— Левым бортом огонь! — Старик ловко увернулся от удара ножа, сделал подсечку и, не успев тот упасть на землю, со свистом припечата палочкой по скуле, затем по одной руке, по второй — так что обе они обвисли и нож выпал. И, на всякий случай, по коленной чашечке, так что нога выпрямилась, а согнуться уже не смогла.

Второй с трудом поднял с земли приятеля, подобрал нож, глухо пригрозил:

— Кронштадт — город маленький. Мы еще встретимся, старая пакля, — зашипел от ярости и уволок хромого в темноту. На другой стороне

парка вскоре взревел мотор автомашины, и она, не зажигая фар, умчалась в темноту улицы.

— Атака турецкого флота отбита. Небольшая, но все же победа. Музыканты — гренадерский марш! — откашлялся старик и, заглянув под скамейку, посмотрел на Глеба. — Крепко досталось?

— Один раз только стукнули по затылку. Но впечатляет, — пожаловался тот, выбираясь на волю.

— Намочи носовой платок и приложи к больному месту, полегчает... Боцман, право на борт, ложимся на обратный курс... — покашливая, постукивая палочкой, пошел по набережной.

«Живой, живой! И не ранен. Опасность миновала! — вздохнул с облегчением мальчишка. И крикнул вслед старику:

— Вы кто такой? Кого благодарить?

— Старую паклю... — и растворился во мраке ночи.

Глеб хотел пойти за ним, да передумал, если не зовет, то лучше остаться здесь. Не могут же на него напасть два раза подряд! Да и голова от удара звенит и кружится. Лучше ему отдохнуть, прийти в себя. Помочил в заливе носовой платок, приложил к шишке на голове. Затем вынул из кармана курточки телефон, позвонил Граю. Тот сразу ответил бодрым голосом, словно и не спал:

— Свел знакомство с местным уголовным миром... — и рассказал, что с ним произошло в парке. — Меня спас какой-то городской сумасшедший, старый парусный капитан.

— Запомнил лицо человека, который будил тебя на корабле? — спросил Грай.

— Нет, в каюте темно было.

— Наверняка это не вахтенный... Тебя подставили... Завтра найди повод, зайди в штаб, посмотри, нет ли у твоих вчерашних знакомых отметин на лице, может, кто из них захромал?

— Понял... Как нога Виктора Крылова?

— Ему сделали переливание крови, положение стабилизировалось... Мне приехать, забрать тебя?

— Нет, я уже освоился в Кронштадте. Сейчас подремлю на скамейке. Хочу увидеть рассвет над кораблями.

В голове от полученного удара все еще гудел и ухал тяжелый колокол, и под его звон беспокойный мальчишка быстро и крепко уснул.

Глава 4 Побирушка на пристани

Глеб проснулся, не открывая глаз, прислушался, — с одной стороны плескали волны, с другой стороны шелестела листва. Значит, он все еще в Петровском парке.

С трудом заставил себя подняться на ноги. Постоял немного, держась за скамейку. Сделал шаг, другой и, покачиваясь, направился к памятнику Петру Великому. Глебу показалось, что бронзовый Петр повернул к нему голову, строго взглянул с постамента. Требуя отчет. Глеб надел кепарик, отдал честь, как положено воину, и отрапортовал:

— Ваше императорское величество, ваш указ: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота яко наиглавнейшее дело» я знаю и готов... Только что имел баталию с неприятелем, страху натерпелся сверх меры. Был бит превосходящими силами, но не ретировался. Спасен от гибели неизвестным человеком. Намерен продолжить поиск противника и битву до полной виктории.

Глебу показалось — бронзовое лицо императора потеплело, губы дрогнули в ободряющей улыбке. Но уже через секунду основатель города стал суров, непроницаем и поверх гавани стал по-прежнему смотреть в вечность. Подросток понял — аудиенция окончена, можно приступать к сыщицкой работе.

В этот момент в глубине Петровской гавани, где-то неподалеку, послышалось хлопанье крыльев и звонкое пение петуха:

— Ку-ка-ре-ку-у-у!

Глеб улыбнулся — так не вязались между собой грозные военные корабли с пушками, ракетами, локаторами — с лихим пением деревенского петушка. И, тем не менее, петух пропел, значит, пришло время рассвета.

Глеб сидел на садовой скамейке и улыбался сам не зная чему.

Столкновение с бандитами вывело его из равновесия. Но юность дарит человеку удивительную способность — радоваться жизни, какой она является в настоящее время. Когда Глеб в темноте и одиночестве был схвачен поджигателями, то испытывал жуткий страх. А теперь уже утро, он жив, здоров, ночные

страхи остались позади, что толку вспоминать о них?

Теперь можно на пароме отправиться домой. Или вернуться на корабль, в адмиральскую каюту, и власть отоспаться. Ведь завтра будет новый день, новые радости и новые опасности.

Но пружина детектива раскручивалась все сильнее. Отоспаться в этот день не удалось.

Где же спрячется голосистый петух?

Глеб протер слипающиеся глаза и посмотрел налево, на другую сторону Петровской гавани. Там, на каменной насыпи, валялись старые, ветхие суденышки и катера. Десятка полтора их собратьев стояли у берега, на дне в полупритопленном состоянии, образуя живописную картину корабельного кладбища. На ближайшем суденышке, скрытом в воде выше ватерлинии, у которого виднелись лишь рубка и верхняя палуба, заметил сидящего на поручне петушка — в красно-желтом оперении, с алым, набок, гребешком и осанистой бородачкой. Вот кто, оказывается, так по-домашнему пел в военной гавани. Неужели он один живет на катере? Петушок сделал несколько шажков, поудобнее устраиваясь на поручне и явно собираясь вздремнуть, как вдруг его что-то встревожило, он вытянул голову, поднял тревогу:

— Кок-кок-кок-кок!.. Куд-куда-куда!!!..

Приглядевшись, Глеб заметил на борту катера доску, вероятно служившую трапом, а на ночь убранную, а вот вместо поручня к берегу шла обыкновенная веревка. Глеб ахнул — выбравшись из трещин пирса, отряд крыс, хорошо организованный, привлеченный чудесным пением петушка, решил нанести певцу визит с явно выраженными гастрономическими целями. Первая крыса, разведчица, как акробат прошла по веревке на крышу рубки, подобралась поближе к петуху и стала пристально на него смотреть — гипногизировала, пугала. Петя снова пробил тревогу, громче прежнего:

— Кок-кок-кок-кок!.. Куд-куда-куда!

Но на катере никто не шевельнулся. Вторая крыса прошла по веревке, за ней спешила третья. А ведь петух сидит на поручне, у него там и места для маневра нет. Сшибут в воду, задуют, ведь, всем известно, петух — пловец и летун никудашный. Не желая стать свидетелем

страшной развязки, Глеб поспешил к каменистому пирсу, подыскивая взглядом подходящий камень. В этот момент первая крыса-разведчица решила, что не следует затягивать время визита, и, разбежавшись по рубке, прыгнула на петуха, целя ему в гребень — самое уязвимое, нежное место. Петя мгновенно втянул голову, крыса перелетела через него, чиркнув по гребню хвостом, и шлепнулась в воду. Следом ринулась вторая. Петух шагнул вбок, и она тоже пролетела мимо, свалилась в воду. Третью крысу, самую ловкую, петух на лету ударил крылом, словно щитом, она перевернулась в воздухе и шлепнулась на палубу. Четвертую, самую здоровую, на лету поддел клювом, она громко пискнула и тоже рухнула в воду. Петя, оказывается, был неплохим бойцом, умел за себя постоять.

В этот момент дверь рубки со скрипом отворилась, из нее показалась сонная лохматая голова, прохрипела непроснувшимся голосом:

— Кыш отсюда, нечистая сила!

Упавшая крыса с палубы спрыгнула в воду. Нескладный парень без майки, в старых джинсах, ударил рукой по веревке, и еще две новые визитерши попадали с веревки в воду, поплыли обратно на берег.

— Петр Петрович, ты цел? — спросил парнишка петушка. — Извини, я не сразу проснулся. — Погладил Петю и посмотрел на солнце. — Уже около пяти утра, пора браться за дело. Нам пораньше выйти с корабля на землю не грех. Бог любит не молящих, а трудящих. Подожди, сейчас соберусь.

Подросток, живший на катере, наконец натянул рубаху, вытащил из рубки две вместительные пустые сумки.

Глеб взглянул на часы — что человеку не спится в такую рань?

В предутреннем воздухе, наполненном солнечными искрами, экзотическая фигура с петушком на плече проплыла по пирсу, пересекла парк. Затем бож сбавил ход, осторожно, словно остерегаясь кого-то, стал приближаться к углу большого трехэтажного дома. Петушок слетел с плеча хозяина и пошел рядом, осматривая землю, отыскивая, чем бы поживиться.

Бож оглядел двор и, не увидев ничего опасного, торопливо зашагал прямо к мусорным бачкам, огражденным невысокой стенкой.

Угол кирпичной кладки был выкрашен белой краской, поверх большими печатными буквами надпись: «Фирма «Олег Некраш и К^о». Сбор стеклотары для достройки фрегата «Штандарт». Рядом грудились пустые бутылки. Пришедший, пугливо озираясь, стал их топорливо хватать, прятать в сумки.

Вдруг он выронил бутылку, которая со звоном покатила по асфальту, попятился к бачку. Из углового подъезда вышел парнишка лет четырнадцати, розовощекий крепыш, такие зимой обычно играют в хоккей, и чем сильнее мороз, тем ярче румянец. На круглой, стриженной наголо голове офицерская фуражка с расколотым козырьком. Глеб настоженно относился к таким ребятам — на их лице не было видно следов длительных размышлений или страданий.

«Здесь была засада, — догадался Глеб, — а пришедший бомж как раз в нее и попал. Сейчас начнется разборка».

Хозяин двора, одетый в белую футболку с нарисованным парусником, широко зевнул, протер глаза, прогоняя сон, поиграл мышцами, довольно заметными, и угрожающе произнес:

— Вот ты снова попался, Гена. Что скажешь?

— Никто не брал твои бутылки, Олег. Я только пороюсь в мусорном бачке, может, хлеба найду и тут же исчезну.

— Не бери меня на жалость. Мы город поделили?.. Поделили. Я тебе на кормление половину Кронштадта отдал — царский подарок! Ну и эксплуатируй свой район. Тебе все мало, норвишь в чужой огород забраться. Я вчера пометил свои бутылки, покажи сумку... Точно, мои. Тебе обещано в ухо, если попадешься. Сейчас получишь шикарную плюху.

— Хорошо тебе, — заканючил Гена, — обижать бездомного и бесправного бомжа. У тебя «спина прикрыта» — отец флотский офицер, мать следователь милиции. А я отца даже не помню. Мать, наверное, продала квартиру и пропала. Ее зарезали или утопили. Теперь живу на ржавом катере. И еще жильца принял.

— Кто это у тебя появился?

— Бабка Катерина, полоумная. Ее сын выгнал из дома, потому что с ума сошла. Иногда на нее находит — ничего не понимает, вот и выгнал, а ест она за двоих.

— Тебе, Гена, предлагали идти в детский дом или в спецПТУ, что не соглашаешься?

— Вот еще, там дисциплина, как в тюрьме. А тут я встану в пять утра, обойду все помойки. Бутылки сдам, куплю чего душа просит, мне сам черт не брат. Живу, как хочу.

— Ну и катись отсюда, шарь по помойкам, собирай объедки.

Глеб стоял уже рядом с хозяином двора, заинтересованно слушал.

— Тебе тоже стеклотару нужна? — резко обернулся к нему Олег и снова широко, с хрустом в челюсти, зевнул.

— Мне нужна более ценная вещь — информация.

— Валай, спрашивай. Я сегодня хоть и не выпался из-за этого придурка, которого давно следует проучить, но все равно настроен на ответы.

— Что это за фрегат «Штандарт» ты достраиваешь? Я о таком не слышал. Про корабль «Азов», бриг «Меркурий», клиппер «Катти Сарк» читал. А о твоём фрегате ни словечка.

— Еще один малограмотный из Питера приехал, — возмутился тот. — Слушай и запоминай. Фрегат «Штандарт» был построен Петром I числа 29 августа 1703 года на Олонекской верфи, на реке Свири. На нем был экипаж 110 человек, 28 пушек, длина тридцать семь с половиной метров, ширина семь с половиной метров. Капитан — сам Петр Великий. Это первый российский боевой корабль на Балтике. Он долго был лидером флота, участвовал в походах и сражениях. Петр велел хранить «Штандарт» вечно, как память потомкам. Но постепенно «Штандарт» ветшал, и при Екатерине его разобрали.

— И ты, соня, хочешь построить фрегат на деньги от бутылок? Такой корабль, я читал в справочнике, стоит полтора миллиарда долларов. Если весь Кронштадт станет питаться лишь молоком и кефиром, ты будешь собирать бутылки на его постройку сто лет. А когда твои внуки спустят его на воду, то фрегат останется без мачт и парусов — денег не хватит.

Олег сердито посмотрел на пришельца:

— Конечно, у меня не настоящий фрегат... Что и говорить. Старая, отслужившая свой срок шлюпка, продавалась как дрова. Отец ее купил и подарил мне, потому что я ходил в морской кружок. Мы с друзьями начали ее ре-

монтировать, увлеклись... И тут мне пришло в голову сделать ее похожей на фрегат «Штандарт». Знаешь, как стало интересно!

— У меня отец рыбак. Я кое-что понимаю в морском деле.

Олег в раздумье посмотрел на нового знакомого.

— Знаешь, мы, наверное, смогли бы подружиться. Мне сейчас на фрегат нужен старший офицер, такой, чтобы легко просыпался рано утром. Пойдешь?

Глеб обрадовался было, но тут же осекся:

— И ты возьмешь старшим офицером чужого человека?

— Тебя как звать?.. Так вот, Глеб Федотов, через три дня в Кронштадте будут праздновать трехсотлетие Российского флота, а команда моя распалась — один заболел, другой на олимпиаду уехал. Одна сестра осталась, да и ей сейчас не до меня.

Глеб учился принимать решения быстро.

— Это здорово — походить по Балтике на фрегате, я согласен. Но надо позвонить домой и договориться.

— Сейчас обойдем свою половину города, пока не все проснулись, соберем и сдадим бутылки. Затем вернемся, и от нас позвонишь. Если у твоей мамы появятся вопросы, я ей все объясню.

Сдав бутылки, ребята вернулись к дому на набережной, поставили тележку в подъезде на первом этаже, там было достаточно места, и по широкой старинной лестнице, украшенной мозаикой, поднялись на второй этаж.

Мать Олега, Галина Борисовна, стройная женщина с аккуратной прической, пристально посмотрела на Глеба, так что он даже поежился.

— Не пугайся, — рассмеялся Олег. Маму на работе называют «железной леди». Так, в сущности, и есть. Она следователь в районном отделении милиции и держит в страхе преступников города. Никому спуска не дает. Ну и дома у нас полный порядок.

— Олег, не делай из меня пугало, — засмеялась мама. — Мойте руки, мальчики, проходите на кухню, будем пить чай.

На кухне висела фотография — подросток в морской форме.

— Это Сергуня, мой младший брат, — похвастал Олег. — Поступил в Морской кадетский

корпус. Фото из клуба юных моряков, он там занимался.

Пока пили чай, Галина Борисовна расспросила Глеба и одобрила предложение сына. Только поинтересовалась:

— Ну а что скажет твоя мама?

Прямо из кухни с висевшего на стене красного аппарата Глеб позвонил домой, передал трубку Галине Борисовне, и мамы обо всем договорились. Глебу разрешили остаться в Кронштадте до праздника.

После этого Глеб набрал номер Грая, спросил, как себя чувствует раненый Виктор Крылов. Обрадовался, что опасность миновала, кризис позади. Доложил, что у него есть возможность остаться в Кронштадте на несколько дней.

Глава 5

На сторожевой вышке — заговор

В кухню вошла Юлия, старшая сестра Олега.

— Надеюсь, мальчики, вы не все варенье съели?

Черты лица у Юли были такие же четкие и строгие, как у матери. Но девушка вся светилась счастьем, улыбалась и напевала. Глядя на нее, Олег посмеивался:

— Я знаю — кто-то сильно интересуется неким Игорем, учеником десятого класса.

— Мы с Игорем идем на пляж, — заторопилась Юлия.

— На безлюдный форт? — спросил Олег.

— На форт мы ходили с девочками, — немного смутилась Юлия. Рассказала, что они дуррачились и купались как настоящие русалки. А ее одноклассница Маша Вересова, которая собирается поступать в Академию художеств и берет уроки в Петербурге у художника Льва Московского, захватила с собой мольберт и, смеясь, рисовала их в виде русалок. Ее портрет вышел удачным. Маша сделала его на холсте маслом.

Юля подхватила сумку с купальными принадлежностями и убежала.

Мальчики решили все делать основательно. Съели по полной тарелке каши, выпили еще чаю. Олег смастерил четыре больших бутерброда с сыром, аккуратно завернул в бумагу, и они направились в яхт-клуб.

Ребята вышли на Якорную площадь. На ее краю стоял памятник — грозный адмирал Макаров в развевающейся на ветру шинели, а на постаменте высечена его знаменитая фраза: «Помни войну».

В центре площади высился Морской собор, посвященный всем морякам, прославившим Отечество. Тут мальчики остановились — мимо собора, взявшись за руки, среди суетившихся туристов, неторопливо шли двое — Юля и сухощавый парень Игорь. Даже на расстоянии можно понять, что им хорошо вдвоем, они счастливы и никого не замечают.

— Кто он, этот Игорь? — поинтересовался Глеб.

— Сын командующего базой контр-адмирала Пенина Антона Антоновича.

Если сверху, с высоты птичьего полета, посмотреть на остров Котлин, на город-крепость Кронштадт, некогда окруженный толстой каменной стеной с высоким валом, то на юго-восточной стороне города вы увидите небольшой полуостров, похожий на вытянутую руку. Указательный палец этой руки, сложенный из гранитных плит, показывает на Петербург. Вдоль этого пальца, стоя в одном строю, плещут на воде бело-голубые яхты, кивают мачтами с маленькими флюгерами, во все стороны пускают зайчиков умытыми иллюминаторами. По каменному слипу, отлого уходящему в бурливую воду, на низеньких тележках спускают в воду и поднимают на берег красавицы-яхты. У слипа двухэтажная сторожевая вышка со стеклянным вторым этажом. Вдоль дощатого забора один к одному железные сарайчики — большие морские контейнеры с врезанными иллюминаторами вместо окон и железными дверями на задрайках. В них команды яхтсменов переодеваются, пьют чай, пережидают непогоду, хранят вещи, а то и ночуют на уютных диванчиках.

Глеб замер, увидев у пирса свежескрашенный фрегат сказочной красоты, словно выплывший из далекой старины. Небольшой, около десяти метров в длину, с аккуратно выструганной палубой, с мачтой, с вантами, натянутыми от мачты к бортам, со штагами, идущими от мачты к корме и носу, с грозно торчащим вперед бушпритом, с настоящим штурвалом, с нарисован-

ными на бортах пушечными люками и жерлами бронзовых пушек.

«На таком фрегате походить по морю, — подумал Глеб, — и станешь вспоминать об этом всю жизнь».

— Как же тебе пришло в голову фрегат делать? Ты мне толком так и не объяснил.

— На свой страх и риск я с помощью отца начал стройку. И вот видишь, глаза боятся, руки делают. Стоит красавец фрегат. Практически готов, скоро на воду спустим.

— И ты сам его сумел построить?

— Мне помогал опытный плотник, сторож яхт-клуба дядя Коля Копылов. Вот он идет как раз.

— Ну и вид у него! Какой-то хмурый, неприветливый.

— Плотник классный. А вот что за человек, я так и не понял. Один тип называет его странно: «Сиплый Граф». Плотник не любит, когда к нему так обращаются.

Улыбнулся плотник весьма странно — одной половиной лица, при этом вторая осталась совершенно неподвижна, а глаза холодно буравили Глеба.

— У тебя новый помощник, Олег? Так и наберешь к празднику команду.

Олег передал Копылову — Сиплому Графу — деньги, вырученные за бутылки. Тот подержал их в руке, мол, не деньги, а жалкие копейки, но тем не менее сунул в карман. И объявил:

— На сегодня у нас мелкие доделки, и в конце дня спускаем фрегат на воду. Завтра приводи команду — можно пробовать корабль на ходу.

Поднявшись по лесенке на борт фрегата, Глеб стал держаться настороженно. Знал, что на кораблях над новичками всегда подшучивают — посылают в шпигат за водой, велят заточить напильником чугунный якорь, принести ведро пара... Не хотелось ему, сыну моряка, опростоволоситься.

Доработки на фрегате оказались серьезными — проверили подъем и спуск парусов при помощи ручной лебедки. Укрепили перо руля. Пришлось кое-что переделать. Вкальвать под палящим солнцем оказалось непросто.

С утра в клубе народу было мало, но все же кое-кто подходил, смотрел, как идет работа, порой давал дельный совет. Откуда-то приполз отставной моряк в старой фуражке, в не-

суразных клетчатых штанах, с длинными волосами, жиденькой бородачкой и большой бородавкой около правого уха. Глеб признал в нем своего ночного спасителя. Хотел подойти и поблагодарить, но тот даже не глянул в его сторону, словно знать не знал. Глеб хорошо помнил наставление Грая — если встретишь на улице своего коллегу, не бросайся к нему с объятиями, даже не здороваясь, словно и не заметил вовсе. Вдруг он ведет слежку, а ты все испортишь, раскроешь его... Опираясь на палочку, старикан постоял около фрегата, мутным взглядом окинул строителей, покосился на плотника, пробурчал:

— Всяк кононер на свой манер.

— И то ремесло, кто умеет сделать весло, — в тон ему ответил плотник. Проводил взглядом, ничего больше не сказал, но настроение у него испортилось. Нутром почувствовал человека, который приходил посмотреть на него.

Отставной моряк поковылял к выходу, скрылся за углом дома.

Время за работой пролетело незаметно, было уже близко к четырем, когда ребята увидели, что в ворота яхт-клуба вошел еще один человек. Мальчики переглянулись, он им не понравился — рослый, грудь бочонком, руки длинные, как у обезьяны, и видно — мощные. Лицо мятое, нос кривой, словно сбоку сильно ударили. Взгляд и движения агрессивные, это настораживало.

Глеб сразу насторожился — ботинки у пришедшего из замши, на толстой подметке, с рантом. Красивая, явно итальянская работа. Но, как ни нажимал кнопку у козырька кепарика, как ни крутил головой, самодельный локатор молчал. Ботинки не те? Или локатор испортился? Или жучок потерялся?

Пришедший направился прямо к плотнику, стоявшему на коленях со стамеской и молотком в руках у кормы фрегата, ткнул кулаком в спину:

— Привет, Сиплый Граф.

Плотник скривил в улыбку вторую половину лица, которая до того была недвижима и, вероятно, предназначалась только для общения со старыми знакомыми:

— Здравствуй, Скорохват. Соскучился по приятелю?

— Дело есть. Срочное.

— Посиди около вышки на скамеечке. Сейчас опустим на воду фрегат. И я свободен.

— Ты все возишься с мелюзгой? — фыркнул пришедший.

— Не следует обижать молодежь, — упрекнул плотник. — Это золотой фонд, наша надежда, наша смена.

— Гы-гы-гы, — оскалил ровные зубы Скорохват и отправился к вышке. — Поторопись, мне некогда.

В ворота яхт-клуба въехал автокран. Водитель, сам яхтсмен, привычный к делам такого рода, придирчиво осмотрел фрегат, потрогал теплый борт ладонью. Двумя мягкими тросами, с надежностью на них резиновыми шлангами, чтобы не мять днище и борта, схватил корпус фрегата, поднял, перевез к краю пирса и поставил на воду.

— Ура! — завопил Олег.

— Быстро прыгай в тузик и швартуй фрегат к буйку-мухомору, — велел плотник.

На каждой яхте был свой тузик — плоскодонная небольшая лодчонка с тупым носом, легкая, вертлявая, всегда под рукой, потому и тузик. Был такой и у Олега. Юный капитан спустился в лодчонку, взялся за весла. Глеб кинул ему на ноги швартовый конец. Делая короткие, сильные гребки, Олег приплыл к стальному буйку, выкрашенному, чтобы был заметнее и выглядел веселее, под гриб-мухомор. Крепко привязал швартов.

Крановщик убрал свой трос и уехал.

Теперь «Штандарт» следовало проверить на ходу. Но это решили сделать завтра, потому что негоже братья за ответственное дело усталыми и чумазыми.

— Спрыснуть бы надо спуск на воду фрегата, обмыть в ресторанчике, — сказал сам себе плотник. — Сколько труда в корабль вложено. Да что с ребятни возьмешь. — Махнул огорченно рукой и заторопился к своему приятелю, который ждал у сторожевой вышки.

В общем, ребята не обратили бы особого внимания на двух несколько странных приятелей, подумаешь, встретились старые знакомые потолковать о жизни, что в этом особенного? Если бы в ворота не вошла яркая красавица. Олег ее сразу узнал — Вероника Степурина, официантка Дома офицеров. Высокая, легкая, она подошла своей известной покачивающейся походкой к

двум приятелям, и они вместе поднялись на второй этаж сторожевой вышки.

Все трое были хорошо видны сквозь застекленные рамы. Было похоже — троица стоваривается, но о чем? Глеб пожалел, что не умеет читать по губам. Но он готов был поклясться, что разговор шел серьезный, потому что Сиплый Граф, любитель пошутить, ни разу не улыбнулся ни одной из половинок своего лица. А Скорохват часто потирал подбородок сжатым кулаком, что выдавало его волнение. Лишь Вероника чувствовала себя легко, свободно. Казалось, она околдовала сразу обоих. И это было невероятно, потому что, как сказал Олег, она этим заговорщикам не пара. Самые блестящие офицеры Кронштадта стремились завоевать расположение Вероники. Что же она нашла в этих хмурых, потертых мужчинах?

Глава 6

На грот-брам-стенге императорский флаг

Днем, во время обеда, Глеб съездил на автобусе в штаб, покрутился там, увидел всех своих знакомых, но ни один из них не хромал, ни у одного не оказалось на лице отметин. А капитан третьего ранга Орлов поинтересовался, не привез ли Глеб новое сообщение от Грая, по-приятельски подмигнул и угостил конфетой.

Вечером семья Нераш собралась, как обычно, на кухне за столом, благо кухни в старых домах просторные. Как гость и член экипажа, Глеб был приглашен к столу. Отец Олега попробовал домашние пирожки, одни с рисом и рублеными яйцами, другие с черносмородиновым вареньем, груда которых высилась на вместительном блюде, одобрил, и все активно принялись их уничтожать.

Затем отец весело посмотрел на ребят:

— Сегодня в штабе базы случился настоящий переполох, приехала госпожа Шонвик из Нидерландов. Пра-пра-пра... внучка одного из первых капитан-директоров фрегата «Штандарт».

Олег даже взвился:

— Сколько ей лет? Я ее смогу прокатить на своем фрегате?

— Лет ей не больше ста, потому что приехала

старушка одна. Вряд ли она согласится сесть в тузик, чтобы добраться до твоего корабля. А приехала госпожа Шонвик не с пустыми руками. Она читала в газетах, что Россия широко отмечает трехсотлетие флота, и привезла подарок.

— Интересно, что это может быть? — перестал жевать пирожок Олег. — От Шонвик из Нидерландов.

— Дежурный по штабу, капитан третьего ранга Орлов, как увидел подарок, так сразу высвистал из дежурного экипажа двух матросов с автоматами и велел им ни на шаг не отходить от старушки.

— Папа, ты уже достаточно распалил наше воображение, выкладывай, что она привезла? — простонал Олег.

— Она привезла серебряную модель фрегата «Штандарт». Модель размером с книжку, раздуты серебряные паруса, он словно мчится по штормовому морю, на месте ходовых огней драгоценные камни. Его подарил Петр капитан-командору Шонвик за хорошую службу.

— Какой... на нем флаг... поднят? — у Олега перехватило дыхание.

— На грот-брам-стенге поднят императорский флаг, штандарт.

— Здорово! Это означает присутствие государя императора на военном корабле. Сам штандарт — желтый с государственным гербом посередине. В обоих клювах и лапах орла четыре карты с изображением Балтийского, Белого, Каспийского и Черного морей, — отрапортовал Олег.

— И где же теперь серебряный фрегат? — спросила Юля.

— В штабе сразу заговорили — в музей такую ценность! В музей реликвию! Но старушка Шонвик заупрямилась — отдам ее только в руки капитану «Штандарта», пусть хранится на корабле, ведь Петр велел хранить его вечно. В штабе паника — никакого «Штандарта» в Кронштадте нет! Серебряный фрегат на подставке из красного дерева, покрытый стеклянным колпаком, госпожа Шонвик поставила на стол командира базы. А тот растерялся, что делать? Ни о каком музее старушка слышать не хочет. Подарок должен получить командир корабля, и точка. Иначе увезет его обратно. А моряки уже узнали про подарок, каждому хочется хоть глазком взглянуть на реликвию, пока ее куда-нибудь не упрятали или не

увезли обратно в Нидерланды. Ну и все начали ломиться в кабинет к контр-адмиралу. Не штаб, а музейная выставка.

Тогда госпожа Шонвик и контр-адмирал договорились, чтобы временно серебряный фрегат отнесли домой к командиру базы. Пусть туда идут люди и смотрят, а то командир работать не может.

Контр-адмирал Пенин, командир базы, живет в двухэтажном доме, притулившимся ко дворцу Меншикова. Дом выходит окнами на набережную Обводного канала. У входа в дом на первом этаже быстро освободили гостиную, по овальному столу с белой скатертью поплыл серебряный фрегат. Тут же встали два человека с автоматами, и народ повалил валом. Всем интересно на старинный кораблик взглянуть.

— Ты, конечно, сходил, посмотрел, а мне и детям не сообщил, — огорчилась мама.

— Я звонил в райотдел, но мне сказали, что ты на выезде, ловишь какого-то жулика с гранатой. Прости. Но найти тебя в городе невозможно. И детям звонил, но на вышке сторожа никто трубку не снял.

Тут Олег поднялся со стула, важно прошелся по кухне и заявил:

— Интересно, почему понадобилось вводить заблуждение госпожу Шонвик?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался отец.

— Есть в Кронштадте фрегат «Штандарт», и есть у него капитан. Вы его видите перед собой.

Все весело рассмеялись, а громче других сам Олег. Но, отсмеявшись, заявил — завтра утром выйдет на фрегате из яхт-клуба, обойдет остров со стороны Пьяного маяка, приведет корабль в Петровскую гавань, станет на швартовы перед штабом. И пусть кто-нибудь осмелится сказать, что это не фрегат «Штандарт», а он, Олег Некраш, не его капитан.

— Я по такому человеку дам залп правым бортом.

— Будь осторожнее во время первого перехода, — напутствовал отец. — Я, увы, не смогу пойти с тобой. Попроси кого-нибудь из яхтенных капитанов помочь тебе в первом рейсе.

— Хорошо, папа. Ты прав, конечно.

Тут зазвонил телефон, отца срочно вызывали на корабль.

— Ух, как мне эта суета предтоходная надоела, — вздохнул отец. — Скорее бы уж выйти в море.

Взял чемодан, приготовленный женой, поцеловал ее, обнял сына и дочь, пожал Глебу руку и ушел к стенке пирса. Там велись приготовления к походу — штурман тащил из штаба карты с последними поправками, врач загружал медикаменты, старший механик закачивал топливо и масло, боцман пересчитывал спасательные жилеты, начпрод привозил картошку, гречу, макароны, коровьи и бараньи туши... Курсанты обживали кубрики, стелили матрасы и одеяла на отведенные им койки.

Глава 7

Рискованный план

Когда дверь за отцом закрылась, Юля сразу Кушла в свою комнату, села к окну. Мальчики явились к Юле обсудить план на завтра.

Капитан спросил, как можно торжественнее поднять флаг на фрегате?

Вместо ответа Юля достала из кармана носовой платочек и закусила уголок.

Олег расстелил карту Финского залива на столе, вычертил маршрут вокруг острова. На листке из блокнота записал, что им следует взять с собой — канистру с водой, хлеб, консервы, не забыть ножик, ложки и кружки. Юля ни слова не отвечала брату, а увлеченный капитан не сразу начал соображать, что с нижним чином его корабля творится что-то неладное. Юля всегда живо откликалась на его разговоры о фрегате, он и теперь ожидал, что она тотчас найдет рюкзак и соберет необходимые продукты. Но Юля все так же молча смотрела в окно, и Олегу даже показалось, что она плачет.

— Ты здорова? У тебя все в порядке? — осторожно спросил Олег.

— Мог бы ты со мной сегодня не разговаривать? — попросила Юля и вытерла глаза.

Олег забеспокоился и, ища поддержки, взглянул на Глеба. Но и тот ничего не мог понять.

— Может быть, что-то случилось? — спросил Глеб. — Я могу чем-нибудь помочь, Юля?

— Можешь, — не оборачиваясь, ответила Юля. — Сядь в угол и посиди молча.

Два раза за свою жизнь Олег слышал, как

плакала мама, запершись в своей комнате, почти беззвучно. Но рядом с ней всегда оказывался папа, успокаивал, что-то предпринимал, и семейная жизнь продолжала течь по-прежнему мирно и радостно. А сейчас плакала его сестра, отец уходил в дальнее плавание, Сергуня находился в кадетском корпусе, и Олег, теперь единственный мужчина в доме, должен был отвести беду, которая выпала на долю их семьи. Он не мог видеть, как его любимая сестра Юля, обычно спокойная и серьезная, беззвучно роняет слезы на розовый, с кружевной каемочкой, платок. Олег подошел к сестре, опустил на корточки, чтобы заглянуть в глаза, и негромко спросил:

— Юля, мы с тобой частенько ссоримся, но это только потому, что характеры у нас как два кремня — едва заденем друг друга, сразу искры летят. Но когда у меня на душе погано, я тебе всегда все рассказываю. И даже если ты не можешь помочь, скажем, я на спор взялся нырнуть с мола во время непогоды, да так, чтобы достать горсть песка со дна, то, когда я тебе расскажу, в чем дело, волны мне начинают казаться ниже, а ветер не таким уж и злым. Расскажи мне, что случилось, пожалуйста.

— Игорь глупец, но неужели еще и ... грязный тип?

— Ты была в его комнате и что-то видела?

— Когда мы ходили смотреть серебряный фрегат, то поднимались в его комнату ненадолго.

— Целовались, наверное?

Юля покраснела:

— У тебя еще нос не дорос, чтобы задавать старшей сестре такие вопросы... Но признаюсь — мы поднимались в его комнату, чтобы посмотреть мой портрет... Помнишь, я рассказывала, мы с девчонками на катере Ольги Мартиновой, Глеб, это моя одноклассница, уже довольно известная художница, ходили на один из северных фортов. Там очень удобная, совершенно закрытая от посторонних глаз внутренняя гавань. И там мы, девчонки, купались, загорали и плавали как... настоящие морские русалки. А Ольга взяла с собой этюдник и быстро-быстро рисовала нас. Игорь узнал об этом и заказал ей мой портрет маслом в виде русалки.

Олег вспыхнул:

— Ему мало видеть живого человека? Для чего

еще портрет?.. Да еще русалочный, у которой из одежды одни косы да зеленые водоросли.

— У Игоря в комнате несколько картин, ему отец подарил. Есть парусники, море, природа... Теперь вот появилась купальщица. Портрет Ольга сделала здорово — превратила меня в настоящую пушкинскую русалку. Игорь вставил его в шикарную раму и повесил у себя в комнате над письменным столом. И все эскизы, на всех девчонок, купил, денег не пожалел.

Олег вопросительно посмотрел на Юлю:

— Ты у нас не горбатая, не косая, привлекательная девушка. Это же искусство, в конце концов. Пусть висит портрет в его комнате, если это для него важно. Может быть, твоя красота вдохновляет его? Других женских портретов у него в комнате нет?.. Ну и ладно. Это не беда, можно пережить... Думаю, не много людей ходит в дом контр-адмирала, в комнату Игоря.

— В том-то и дело — Ольге нужна известность, нужно признание, нужно, чтобы газеты о ней писали и новые русские портреты ей заказывали, деньжищи огромные платили. А для этого нет ничего лучше публичного скандала! Да еще с клубничкой. Она этот мой портрет Игорю продала только с условием, что он устроит завтра выставку у себя в гостиной, рядом с серебряным фрегатом. И всех нас там нагишом выставит. И люди придут и все увидят! А я там в центре... Фотограф из газеты появится, газеты теперь любят такие снимки перепечатывать... На улицу потом не выйдешь — станут пальцем показывать и смеяться. Я этого не вынесу, мне придется с собой что-нибудь сделать.

— Ты об этом говорила Игорю?

— Он только смеется. Мол, смотри, некоторым девчонкам даже нравится, и тебе нечего переживать. Нельзя быть старомодной.

— Как он может, если тебе это не по душе?

Юля погладила лохматую голову своего капитана:

— Я знаю, ты человек дела. Я плачу от того, что мы с Игорем расстались. Расстались навсегда. И в этом мне никто не сможет помочь.

— Ну что же, — с облегчением заметил Олег. — Мама не раз говорила, что девушки держат молодых людей своей красотой и умом на привязи, словно козлик на веревочке. Если веревка оборвана, пусть козлик, любимец всех

школьных красавиц, гуляет на свободе. Спишем его в расход.

— Я понимаю — Игорь горяч, самолюбив и не может здраво рассуждать. И пусть он идет куда хочет. Ну а что мне делать с собой? Ведь я еще люблю его.

— Путь любви не может быть гладким, она ведь не вечна, — стал рассуждать Олег. — Сейчас ты страдаешь, и на сердце образуется язва. Но завтра ты ее вылечишь новым бальзамом. Полюбишь другого.

— Как ты не можешь понять? Любовь — такое нежное, незащитное чувство. Она может пропасть только от того, что расскажешь постороннему о ней. А если выставить ее на всеобщее обозрение и осмеяние, она может пропасть совсем, может, после этого я не только Игоря, никого вообще любить не смогу. Все в душе у меня сгорит синим пламенем. И станет душа пуста и равнодушна. А как жить без любви?

— Джентльмен не должен выставлять интимный, узнаваемый портрет своей дамы на всеобщее обозрение, — заметил Глеб. — Индейцы, я читал, говорят — лучше сними с меня скальп, чем скажи про меня обидное слово. Может случиться так, что о выставке заговорят больше, чем о кораблике. Смех толпы — страшная вещь.

Из Юлиных глаз вновь покатались слезы:

— Я не переживу этого. Если он повесит портрет русалки — все сразу узнают меня и начнут смеяться. Сначала завидовали, что дружу с Игорем, потом станут показывать пальцами. Не знаю, что с собой сделаю после такой славы. Уплыву в море и останусь там жить, как морская русалка.

— Утро вечера мудренее, — попытался успокоить сестру Олег. — Ложись спать, завтра что-нибудь придумаем.

Ребята пошли в угловую комнату, где жил Олег. Молодой капитан сильно нервничал, чтобы занять руки, достал судовой журнал фрегата «Штандарт», открыл первую страницу и начал рисовать на ней. Руки сами собой обозначили двухэтажный домик с шестью окнами на берегу Обводного канала.

— Что за дом? — спросил Глеб

— В нем живут контр-адмирал и его сын Игорь, который организовал выставочный комитет: «У меня нет секретов от мамы».

У Олега был такой задумчивый и печальный вид, что Глеб с беспокойством спросил:

— Может, ты тоже решил поплакать?

— Совсем наоборот, — ответил Олег. — Плакать должен тот, кто заслужил.

— У тебя есть какой-то план?

— Появляется, но очень рискованный.

— А подробнее можно?

— Слушай, Глеб, нам нужно Юлю спасти от позора. Для этого следует папку с рисунками и Юлину картину изъять у выставочного комитета и... вернуть владельцу, когда ситуация прояснится. Положение необычное, и меры нужны нестандартные. Одному справиться невозможно, хоть бы и капитану. Ты мне поможешь?

— Что предлагаешь сделать?

— Нарушить границу частной собственности.

— Уголовно наказуемое деяние, — предупредил Глеб. — До трех лет лишения свободы, если я не ошибаюсь.

— Да, неприятности могут быть серьезные. Но другого способа спасти Юлю я не вижу. Расскажи, как поступал в таких случаях твой шеф — частный детектив?

— Меня он этому не учил.

— Тем хуже для нас. Придется учиться на собственных ошибках.

— Но там, около дома, двое часовых поставлены!

— В гарнизоне у нас дураков еще хватает — на ночь какой-то умник снял старых часовых, а новых не поставил. Я проходил мимо и видел. Следует воспользоваться этим обстоятельством.

Глава 8

Контр-адмиралу подъем, тревога!

Олег даже предположить не мог, насколько сложно проснуться в половине первого. Не в силах открыть глаза, он кое-как нащупал бешено звеневший в ночной тишине будильник.

Мальчики подалеке обошли дворец Меншикова — там у входных дверей светилось окно, и наверняка бодрствовал дежурный офицер, около кованых ворот с полосатой будкой прохаживался часовой. Неслышными тенями скользнули по берегу Обводного канала, и вот он — двухэтажный дом контр-адмирала Пени-

на, командира базы, самого главного моряка в Кронштадте. В доме должно быть три человека — сам Пенин, его жена и сын.

Все окна по фасаду оказались закрыты.

Глеб заглянул в окно около двери:

— Вижу, кораблик на столе стоит. На ночь огни погасил, в дрейф лег.

— С другой стороны дома, — прошептал Олег, — растут огромные деревья, — пойдем там посмотрим.

Спрятавшись под огромным тополем, детективы стали проверять домашние заготовки.

— С крыши дворца Меншикова можно спуститься на крышу дома адмирала, а оттуда по веревке на балкон, — предложил Олег.

— Можно, — согласился Глеб, — но нет ни веревки, ни балкона.

— На втором этаже на наше счастье одно окно открыто. Можно подняться по водосточной трубе и забраться в него.

— Можно, — согласился Глеб, — если не рухнешь вниз со второго этажа. От трубы до окна никак не дотянуться. И карниза нет, пройти не по чему.

— Остаются деревья. Одно толстенное, прямо из-под окна растет.

— Можно с дерева, — согласился Глеб. — Но с ветки до подоконника не дотянуться. Доска нужна.

— Доску достанем, я знаю одно местечко.

Они прошли по берегу Обводного канала и через два дома увидели в палисаднике доски.

— Половые доски. На дачу приготовлены, — шепнул Олег. — Возьмем одну, попользуемся, потом назад положим.

Когда они вернулись, держа в руках шестиметровую доску, Олег приказал:

— Полезай, Глеб, на дерево, я тебе по... — но на полуслове осекся, и зубы его залязгали от страха.

— Смотри, окно на первом этаже открыто. Прямо в гостиную. Как же мы раньше не заметили?

— Кто в этом доме прежде жил?

— Тоже адмирал.

— Значит, привидение его помогает нам. — То ли Бог нам помогает, то ли дьявол, то ли привидение. В любом случае грех не воспользоваться открытым лазом.

— А если это ловушка?

Осторожно подошли к окну. Старая рама заск-

рипела так, что казалось — разбудит весь дом. Ребята замерли от страха, дышать боятся. Может, сейчас выскочит сам адмирал с пистолетом и кортиком... Прислушались. По дому плавали сны, ни единого шороха не было слышно. Беспечно жил контр-адмирал, не боялся воров. Уже три века стоит этот дом, всегда в нем жили адмиралы, и ни разу никто из воров не осмелился забраться сюда, словно он был заговоренный.

Олег перелез через подоконник, подал руку Глебу. Не хотелось Глебу забираться в чужой дом, ой как не хотелось. Детектив Грай запретил даже думать о том, чтобы забраться в чужой дом. Но было ясно — Олег не сможет один отыскать рисунки и картину, не сможет выручить Юлю из беды. Глеб упрекнул себя — обещал помочь товарищу, нечего раздумывать в решительный момент.

— Может, здесь не гостиная, а гараж? — удивился Глеб. — Как бензином пахнет...

Олег посветил фонариком по стенам:

— Смотри, сколько рисунков — и на каждом голые девчонки... А в центре большой портрет Юли, и тоже без ничего... Плывет зеленоглазая русалка, чуть прикрытая водорослями от нескромного взгляда.

— Кораблик со стола исчез, — присел от страха Глеб. — Совсем недавно был, я его в окно видел, а теперь нет. Кто-то здесь есть, кроме нас.

Прислушались... Но никаких звуков не уловили, немного успокоились. Олег забрался на стол, снял портрет Юли со стены. Когда спускался, старый стул заскрипел.

— Тише, — зашипел Глеб. — Недалеко от меня, у самого пола, кто-то сопит.

Посветил фонариком — о ужас — человек! Со связанными за спиной руками, с заклеенным ртом! Лежит на полу, смотрит на них.

— Да это же бомж Гена! — прошептал Олег. — Как он сюда попал?

Гена замычал, заворочался, перекатился на бок, показал, что у него руки связаны за спиной и ноги тоже связаны:

— Ы-ы-ы-и-и... — промычал срывающимся голосом.

— На руках связаны бечевкой только одни большие пальцы, — торопливо зашептал Глеб. — Это работал профессионал. Надо быть осторожнее. Могут быть неожиданности.

— Не надо больше неожиданностей, — пробурчал испуганно Олег. И тут же окаменел от ужаса.

В конце коридора, который начинался у гостиной, творилось что-то непонятное, устрашающее — зашевелилось что-то темное, донеслись неясные звуки, сначала плеск жидкости, и на них накатилась волна бензинового запаха, потек густой запах, затем что-то чиркнуло. И вдруг, осветив гостиную с рисунками по стенам, деревянную лестницу на второй этаж, лежавшего на полу бомжа, полыхнуло пламя.

— Пожар! — отшатнулся от огня Глеб, и вместе с Олегом рванули к окну... Глеб птицей перелетел через подоконник, схватил поданную Олегом картину, рванул за руку и стащил с подоконника застрявшего приятеля. Они отбежали уже метров на пятьдесят, уже скрылись среди деревьев... И тут остановились.

— Там Гена остался на полу...

— Связан. Не сможет убежать и даже позвать на помощь.

— Живьем сгорит...

Страшно, как страшно и неохота бежать обратно к месту, где только что пережил смертельную опасность. Но бедный Гена... Кроме них двоих, помочь ему никто не сможет...

Олег быстро сунул картину в узкую щель между домами, и они помчались обратно. Полезли в гостиную и чуть не наступили на Гену. Он подполз к окну, но подняться и выбраться не мог.

— А-а-а-а-о! — замычал Гена, забился на полу.

Пламя уже охватило гостиную, горели занавески, занималась огнем мебель, деревянные переплеты на окнах.

Олег достал из кармана складной ножичек, с которым не расставался никогда, двумя ударами разрезал шпагат на руках и ногах Гены. Бедняга поднялся на ноги, покачался, примериваясь, чтобы попасть в окно, рухнул на подоконник, переполз, как ящерица, и побежал на четвереньках по земле подальше от страшного дома, где натерпелся немало.

— Газа надыхался, — решил Олег.

В глубине первого этажа сквозь треск огня они явственно различили звук — пискнула паркетина, скрипнуло окно — словно кто-то выпрыгнул наружу...

Олег и Глеб одновременно взялись за ручку рамы. Если прыгнуть из окна на мягкую землю, вихрем пронестись через садик — то через две минуты они будут уже далеко отсюда, в безопасном месте. Никто и никогда не узнает, что они побывали здесь, никто не станет спрашивать, зачем забрались в чужой дом. Не придется им краснеть перед чужими людьми.

Но удрать из дома, где хозяйка крепко спят и где вдруг запылал пожар, ни Глеб, ни Олег не смогли. Ведь люди могут не проснуться, как дважды два — задохнутся от ядовитого газа и дыма во сне. А, будь что будет, оба схватили что попало под руки, стали хлестать по огню, тушить пожар.

В просторной прихожей у двери полыхал стол, горела белая скатерть, задымила и вспыхнула штора у окна. А со стола исчез кораблик! И на полу его не видно. Но думать об его исчезновении было некогда.

На всякий случай Глеб пробежал через крохотную прихожую — подергал уличную дверь — заперта.

Детектив Грай не раз говорил Глебу: в трудных случаях самое опасное — паника. И сам пропадешь, и других погубишь, поэтому надо действовать смело, как разум подсказывает. А разум подсказывал, что самим с огнем не справиться, пожар полыхал все сильнее, надо подымать контр-адмирала и его семью.

Глеб посмотрел на Олега, и они разом заорали: — Контр-адмиралу подъем!.. Тревога!!!..

При этом, не переставая кричать, Олег стащил скатерть со стола, стал хлестать по огню. Глеб сорвал шторы, начал затапывать пламя. Кепарик с его головы упал в огонь. Мальчишка набрал воздуха, глаза закрыл, нырнул, выхватил из огня — чуть лицо не сжег.

На верхних ступенях лестницы послышались тяжелые шаги. И появился контр-адмирал — монумент в черных флотских трусах. Глянул вниз и рявкнул:

— Не двигайся! Кто такие?

— Командир, в вашем доме пожар! — четко доложил Олег. — Команда фрегата «Штандарт» борется с огнем. Но нам одним не справиться — кто-то хорошо ливанул бензина. Вызывайте на помощь пожарных, скорее, пожалуйста, уже

припекает, трудно дышать, а дверь на улицу заперта. Телефон 01, не ошибитесь.

Наконец хозяин проснулся, уразумел, в чем дело, и бодро гаркнул:

– Понял – горим! Есть вызвать пожарных! – и лихо затопал вверх по лестнице. Там послышался лязг телефонной трубки и громовой голос взревел:

– Пожарная часть?! Контр-адмирал горит, а вы спите, черти! Меня какие-то пацаны спасают. Какой адмирал звонит?.. Ну, я вам дам разгону! Чтобы через две минуты были у меня под окнами машины! Горит гостиная на первом этаже, сильно полыхает. Дверь заблокирована. Лестницу привезите, мне со второго этажа вниз уже не спрыгнуть.

Тот, кто облил гостиную бензином, видно, знал свое дело – деревянная лестница на второй этаж уже полыхала, шторы и рамы горели – не сунешься. Глеб и Олег оказались прижатыми к входной двери в крошечной прихожей, но и она уже занималась, ребята с трудом сбивали с нее огонь. Дышать становилось нечем, все ближе к ним пышущее жаром пламя, того и гляди вспыхнут волосы на голове. Ребята начали задыхаться, кашлять, понимали – еще несколько минут, и они сгорят заживо.

Стали колотить в уличную дверь, стараясь выбить ее. Но старая массивная дверь лишь слабо вздрагивала под их ударами.

В этот момент в замке что-то слабо щелкнуло, и двери раскрылись, словно сами собой. Чьи-то сильные руки подхватили подростков, вышвырнули на асфальт. Пока мальчики откашливались и протирали слезящиеся от дыма глаза, неизвестный спаситель исчез. В памяти Глеба осталось лишь смутное воспоминание, звук палочки, словно их избавитель при ходьбе опирался на палочку, да старческий хриплый голос, бормотавший себе под нос:

– Флаг и гюйс поднять! Швартовы отдать... Полный вперед...

Глава 9 Ночной допрос

Затрещал телефон около кровати мамы Олега. Не отрывая головы от подушки, она взяла трубку.

– Слушаю.

– Галина Борисовна, извини, что разбудил, – старательно приглушая голос, заворковал дежурный следователь Миша Зотов.

Ох, век бы ей не слышать этот вкрадчивый голос и не знать самого Зотова. С ним все время приходится держать ухо востро. Завалил начальство докладными – все пыжится, старается доказать, какой он хороший и как много у капитана юстиции Некраш недостатков.

– Галина Борисовна, ты очень нужна здесь, в отделении милиции, придется приехать прямо сейчас.

– Что случилось, Миша?

– Не могу по телефону объяснить. Вставай, я уже выезжаю за тобой.

Едва Галина Борисовна успела накинуть халат и ополоснуть лицо, осторожно тренькнул звонок. Она открыла дверь, шепотом спросила:

– Чрезвычайное происшествие в районе или просто без меня соскучился?

– Наш любимый начальник сам тебе все расскажет.

Зотов не первый раз заезжал за Галиной Борисовной ночью, это являлось обычным делом, скажем, задержали кого-нибудь и нужно срочно допросить, открыть дело. Ничего не попишешь, такая уж у них служба.

Галина Борисовна зашла к себе переодеться. Зотов тут же юркнул в комнату ее сына, зажег на столе лампу. Постель смята и пуста, на диване лежат подушка и одеяло – значит, в комнате находились двое. Что за журнал на столе? Ого, на первом листе рисунок дома адмирала и подходы к нему. Значит, не случайно они оказались в доме командира базы – готовились! Теперь, если не сглупить, – первым звание майора получит он – Зотов. А Галине Борисовне дай бог чтобы прежнее сохранить. Следователь сунул судовой журнал под куртку и вышел в коридор.

Когда «уазик» привез их в отделение милиции, Зотов привел Галину Борисовну в кабинет начальника отделения Владимира Никитича, настоящего денди в светлом летнем костюме, в белоснежной рубашке, умеющего в любом деле быстро ухватить главное и сразу принять решение.

Зотов заговорил шелковым голосом:

— Галина Борисовна, скажите, пожалуйста, где ваш сын Олег?

Некраш слегка улыбнулась:

— Спать мы ложились около одиннадцати, проводив отца на корабль, он сегодня утром уходит в дальнее плавание. Выходили из квартиры мы с вами тихонько. Я думаю — никого не разбудили. Полагаю, что Олег спит. А что-нибудь случилось? Почему вы задаете такой вопрос?

— Увы, случилось, — с трудом скрывая торжество, ответил Зотов. — В доме контр-адмирала Пенина час назад произошел пожар и пропал серебряный фрегат «Штандарт».

— А при чем здесь мой сын?

— Дежурный по штабу капитан третьего ранга Орлов задержал на месте преступления вашего сына Олега и его приятеля Глеба Федотова.

Голос Галины Борисовны зазвенел как струна:

— Где мой сын? Покажите его немедленно!!!

— Успокойтесь, пожалуйста, Галина Борисовна, — ответил начальник отделения. — С вашим сыном ничего не случилось. Он находится в соседней комнате.

И крикнул дежурному в дверь: — Приведи ребят!

Олег и Глеб вошли в кабинет прокопченные, измазанные сажей, но глаз не прятали.

Мама ахнула:

— Олег, что ты здесь делаешь? Ты ложишься спать в то же время, что и я. Ребята, как вы оказались на пожаре?

Олег решил никому не рассказывать, как влюбилась его сестра. Как ее одноклассница, хваткая художница Ольга Мартынова, возила девчонок в дальний форт купаться. Как их рисунки, в виде русалок, продала Игорю и как мог оказаться на выставке для всеобщего обозрения Юлин портрет купальщицы-русалки. И тогда застенчивая Юля бог знает что могла с собой сотворить. Так что лучше всего — молчать.

— Мама, я тебе дома все объясню.

— Почему вы молчите? Вас обвиняют в поджоге дома контр-адмирала, отчего бы не рассказать об этом сейчас?

— Мама, у нас есть на это личные причины, есть своя тайна. Да, мы забрались в дом контр-адмирала, но ничего не поджигали.

— Мой сын никогда мне не врет, я ему верю,

— сказала Галина Борисовна, обращаясь к начальнику.

— В доме контр-адмирала, — продолжал наседать на ребят Зотов, — пропал серебряный фрегат «Штандарт», привезенный из Голландии госпожой Шонвик. Куда вы дели ценную антикварную вещь?

— Мы не брали фрегат, — разом ответили ребята.

— Не надо обманывать взрослых, — откинувшись на спинку стула Зотов. — Вы тщательно подготовились, все продумали и теперь дружно отпираетесь. Но у меня есть неопровержимая улика. — Следователь достал из папки вахтенный журнал фрегата «Штандарт» и раскрыл на первой странице. — Это ты рисовал, Олег?.. Не вздумай отпираться, и на странице, и на обложке наверняка отпечатки твоих пальцев, экспертиза подтвердит.

— Мой журнал, но как он оказался у вас?

— Рисунок на странице твой?

— Мой.

— Признайся, зачем ты разрабатывал различные способы проникновения в дом контр-адмирала?

— Скелет в шкафу, — упрямо отвечал Олег.

— Что еще за скелет? О каком шкафу ты говоришь?

— Так англичане говорят, — пояснила мама, — когда хотят подчеркнуть, что это — семейная тайна.

— У нас были свои планы, — повторил Олег, — о которых мы рассказать не можем. Но дом мы не поджигали и фрегат не брали.

— Ну а как вы забрались в дом? Ведь входная дверь была заперта.

— Сначала хотели положить доску одним концом на дерево, другим на окно. Потом заметили открытое окно на первом этаже. Словно кто-то распахнул его для нас.

Дверь в кабинет открылась, вошел оперативный сотрудник и доложил Владимиру Никитичу:

— Под окнами дома мы нашли толстую половую доску. Новенькую, следов на ней нет, никто по ней не ходил. На первом этаже открыты два окна. Одно в гостиной, другое в соседней гостевой комнате. Шпингалеты на рамах не повреждены. Раму, ту, что в пустой гостевой комнате, снаружи открывали каким-то

плоским предметом, возможно крепким ножом. На стекле следы огромной лапищи — отпечатки рук взрослого человека.

— Ваши выводы?

— Возможен такой вариант: кто-то с вечера преднамеренно оставил шпингалеты в гостевой комнате открытыми. Тогда рама легко открывалась снаружи. Преступник взял серебряный фрегат. С собой он принес бутылку с бензином, решил устроить пожар, чтобы замести за собой следы. Каким-то образом там же в доме или около него оказался бомж Гена Бобраков. Может, он узнал преступника. И тот решил заодно избавиться от ненужного свидетеля, связал и бросил на пол, мол, сгорит вместе с гостиной. Потом заторопился, можно предположить, что кто-то его спугнул, — и оперативник посмотрел на стоящих около стола ребят. — Бомжа Гену Бобракова ищем. На катере, где ночует постоянно, его нет. Только петушок да полоумная бабка, которая ничего сказать не может

— Значит, с вами был кто-то взрослый! — вцепился взглядом в ребят следователь Зотов. — Теперь понятно, почему вы не хотите ничего рассказывать — боитесь! Ваш сообщник и унес серебряный фрегат! Это бандитский налет, а дом вы подожгли, чтобы замести следы.

— Это неправда! — застонал, теряя силы и выдержку, Олег. Демонстративно вывернул карманы штанов — в одном оказался складной ножичек и носовой платок, в другом пятирублевая монета.

В это время зазвонил телефон. Владимир Никитич взял трубку и выпрямился в кресле.

— Слушаю вас, Антон Антонович... Да, уже ведем следствие, торопимся, пока следы горячие... Да, сейчас передам ей трубку.

Галина Борисовна подошла к телефону и услышала, как зарокотал бас контр-адмирала Пенина:

— Я хотел бы поговорить с вами по поводу происшедшего, чувствую, здесь какая-то тайна. Не могли бы вы зайти ко мне сегодня?

— В десять часов утра я провожаю мужа в поход на «Гангуте», потом свободна.

— Не затруднит вас зайти ко мне к часу домой, пообедаем на пожарище и поговорим без помех.

— Хорошо, приду к часу, — и Галина Борисовна повесила трубку.

Начальник отделения обвел всех взглядом:

— Контр-адмирал сказал, что лично знает семью Некраш и просит сильно не наказывать мальчиков. Командир базы и его семья спали, когда начался пожар, и еще неизвестно, не появились там ребята, чем бы все окончилось. Мальчики подняли тревогу и разбудили его. И только после этого он вызвал пожарных. Огонь вспыхнул так сильно, что Пенины со второго этажа спускались по пожарной лестнице.

— Мы что же, отпустим мальчишек? — разочарованно протянул Зотов.

— Сейчас, Зотов, отпустите ребят и займитесь человеком, который оставил отпечаток руки на стекле. Пока мы ведем расследование, на трое суток, я прошу, чтобы ребята не покидали Кронштадт. Я могу положиться на вас, Галина Борисовна?

— Да, я беру под свою ответственность и сына, и нашего гостя Глеба Федотова. Мы созвонимся с его мамой и обо всем договоримся.

Галине Борисовне дали милицейскую машину с мигалкой, и за четыре минуты быстрой езды по безлюдному еще, предупреденному Кронштадту водитель доставил их на берег Петровской гавани, прямо к дому. Всю дорогу мама молчала, а когда поднялась в квартиру, где ждала их встревоженная Юля, быстро прошла к себе в комнату, закрылась, упала лицом в подушку и заплакала тихо, чтобы дети не слышали.

Через десять минут мама уже взяла себя в руки, в ванной комнате ополоснула лицо холодной водой и вышла на кухню, готовая слушать, принимать решения и действовать. Такая уж у Олега была мама — ничто не могло ее сломить, не зря ее называли Железной леди.

— Рассказывайте, какие у вас тайны.

— Это все из-за меня, — торопливо заговорила Юля. — Мы с Игорем поссорились. Он обещал повесить в гостиной своего дома, прямо над серебряным фрегатом, мой интимный портрет в виде купальщицы-русалки, который написала Ольга Мартынова. Мы с девочками ездили купаться в один из дальних северных фортов и позволили себе позагорать без ничего, а Ольга Мартынова рисовала нас. Игорь узнал об этом, заказал Ольге мой портрет. Пообещал устроить выставку около серебряного кораблика, чтобы был шум, статьи

в газетах... То, что требовалось Ольге. Я не разрешала делать такую выставку, а Игорь не слушался. Мы с ним поссорились и расстались навсегда... Вот ребята, чтобы спасти меня от позора, и решили отобрать у него мой портрет и рисунок девчонок.

— Что за интимный портрет? — поинтересовалась мама. — Что-то неприличное?

Олег выбежал на улицу и через десять минут принес портрет, вытащил на свет божий, положил на стол.

— Как же наши сыщики не нашли портрет? — поинтересовалась мама.

— Они искали серебряный фрегат. Больше их ничего не интересовало. Портрет был спрятан на улице, в щели среди домов.

Мама достала из корзинки луковицу, разрешила пополам и протерла испачканный в саже портрет. Краски заиграли, портрет ожил, словно только что сошел с мольберта. У берега дикой гавани, в воде, среди подруг, плыла молодая русалка, луч света падал с неба и выделял ее лицо — юное, мечтательное, с загадочной улыбкой на чуть припухлых губах и едва заметной лукавинкой в глубине зеленых глаз.

Мама заулыбалась:

— Хороша девчонка.

Лицо у Юли стало пунцовым.

— Это ты про меня, мама?

Галина Борисовна привлекла все делать профессионально. Взяла трубку и позвонила в Петербург знакомому художнику, который преподавал в художественном училище. Извинилась за ранний звонок и спросила:

— Прилично ли делать выставку рисунков обнаженных девочек?

— Без трусиков? — спросил тот. Помолчал, раздумывая.

— Вы не уснули?

— Нет, вспоминаю — в Эрмитаже обнаженные мальчики есть, а вот обнаженных девочек не помню и в истории искусств не помню. Наверное, и в прежние годы рисовать их обнаженными тоже считалось неприлично. В Эрмитаже много обнаженных, но, в основном, это уже зрелые, роскошные женщины.

Галине Борисовне этого показалось мало:

— Представьте себе — ваши ученицы пошли купаться одни. Подальше от глаз людских, купа-

лись обнаженные. Одна рисовала подруг. Потом подошла к вам и спросила, можно ли сделать выставку этих рисунков. Что бы вы ей ответили?

— Я бы ей ответил — пусть спрашивает у каждой в отдельности. Кто захочет выставить свой рисунок — пожалуйста. А есть скромные девушки, им это не по нутру. Портреты тех выставлять нельзя. Зачем их травмировать?

Мама отдала портрет Юле:

— Хочешь, повесь на стену, хочешь, спрячь в шкаф. А где наброски?

— В огне погибли, ни одного не сохранилось.

Мама взялась за ребят:

— Теперь, разорители выставок, постарайтесь вспомнить, что необычного вы видели или слышали в доме адмирала?

Олег и Глеб переглянулись, им не очень понятно было, что является необычным.

— Не бойтесь сказать глупость, — подбодрила их мама. — Иногда тонко подмеченная чепуховина может решить успех дела, если ее правильно истолковать.

Ребята, перебивая друг друга, заговорили:

— Когда подошли к дому — все окна на первом этаже были закрыты. Только одно открыто на втором этаже в спальне хозяина.

— Пока ходили за доской — кто-то открыл окно в гостиной. Скрипучее!

— Контр-адмирал сонный как закричит: «Не двигайтесь!»

— Сначала бензином запахло, а потом как польхнет!

— Когда были в гостиной, то чужие шаги слышали. И еще — кто-то в окно выпрыгнул.

— У бомжа Гены руки за спиной связаны особенному — большие пальцы скручены толстой бечевкой.

— Тот, кто уличную дверь открыл и спас нас от удушья, почему-то скрылся. Мы не знаем, кто он, откуда пришел, где взял ключ, как узнал, что задыхаемся за дверью? Может, проходил мимо и услышал стук в дверь? И почему ушел? Одно можно сказать — был с палочкой. Из наших глаз лились слезы, мы его не видели, только слышали, как стучал палочкой по асфальту... Нет, не одноногий, не сильно на палку наваливался, легонечко так постукивал. И сам себе подавал команды: «Флаг и гюйс поднять! Отдать швартовы... Полный ход...»

— Ну и все, мама, мы тебе хоть немного помогли?

— Попробуем обобщить, — в раздумье произнесла мама. — К моменту вашего появления вор-поджигатель еще не был в доме. Пока вы бегали за доской, явился, открыл окно. Он точно знал, у какого окна открыты шпингалеты. Может, он сам их накануне и открыл. Вор знал, где находится серебряный фрегат, и пришел за ним. Взяв фрегат, мог незаметно исчезнуть. Тут его застукал Гена Бобраков и заплатил за свое любопытство. Дом запылил от того, что ненавидел контр-адмирала и хотел отомстить за что-то. Или скрыть следы, потому что мы его знаем. Это уже кое-что.

Мама вдруг заговорила командирским голосом.

— Московское время четыре часа сорок минут. Команде немедленно спать!

Мама двадцать минут потратила на то, чтобы привести в порядок одежду ребят. Только хотела лечь — снова телефонный звонок.

— Извини, Галина, — говорил оперативный дежурный, заместитель начальника уголовного розыска, которого все уважительно называли Михалыч. — Ограблен дом быта. Вскрыт сейф в обменном пункте валюты на втором этаже. Нужно срочно допросить сторожа и открыть дело. Я высылаю за тобой машину. Хорошо?

— Присылай, — ответила мама. — Если уж ночь не задалась, так уж не удастся поспать.

В кабинет Галины Борисовны привели перепуганного сторожа с распухшим лицом. Он рассказал, что принял дом как обычно на охрану. Закрыл окна и двери, поставил на сигнализацию. Все было в порядке. Когда же в час ночи делал очередной обход, около двери обменного валютного пункта вдруг получил сильнейший удар по челюсти. Потерял сознание, упал. Пришел в себя связанный, голова замотана шторами. Лежал уже на первом этаже. Связан оказался здорово, не шевельнуться. Звуков никаких не слышал. Кто и как проник в дом, сказать не может. Сигнализация цела.

После допроса сторожа следователь выслушала Михалыча:

— Кто-то, предположительно два человека, забрались в дом быта. Сумели пробраться на

крышу здания и там затаились. Ночью спустились в здание. Оглушили сторожа. Сейф там простой. Сумели открыть его, выгребли валюту — много валюты. Сейчас выясняем сколько. Открыли окно на втором этаже и по веревке спустились. Ушли незаметно.

— Свидетелей нашли?

— Пока нет. Будем искать.

Глава 10 В гнезде вороны

Бомж Гена Бобраков два года жил на старом, севшем на дно у самого берега катере, поэтому считал себя моряком. Когда Балтика хмурилась и гоняла двухметровые волны, его дырявый дом, спрятанный в бухте за моллом, тоже изрядно трепало. И он даже представлял себя отважным капитаном, несущимся сквозь шторм на неприятеля.

Гена любил чистоту и флотский порядок. Летом каждый день купался в заливе, утром и вечером, каждую неделю стирал свою одежду и раскладывал на крыше рубки для просушки. Но помоечный запах — липучий, избавиться от него трудно. Иногда люди зажимали носы и отворачивались, встречаясь с Геней. Особенно он стеснялся девчонок, которые громко смеялись по любому поводу и частенько заставляли его краснеть.

Одна из немногих радостей в его жизни — знакомая киоскерша, пожилая женщина, которую называл он бабушка Поля. По праздникам она всегда угощала его конфеткой. По будням, после «трудовой смены», он приходил к киоску, показывал чисто вымытые руки, и она в окошечко давала ему свежий номер «Морской газеты». Гена отходил в сторонку, чтобы не отпугивать своим видом покупателей, читал газету от корки до корки, с самого начала до конца, от названия, написанного большими буквами, до фамилии главного редактора Окунева, которую прочитывал дважды, с тихой завистью и восхищением, почитая его как всезнающего Бога. Поэтому Гена находился в курсе всех морских новостей и из газеты узнал о серебряном фрегате из Нидерландов.

Вернул прочитанную газету обратно в окошеч-

ко бабушке Поле. И отправился к дому контр-адмирала. Пристроился сзади к группе празднично одетых людей и дошел до двухэтажного домика. Штабные офицеры с дамами прошли внутрь, а ему вахтенный матрос в отутюженной форменке, с автоматом на плече загородил дорогу:

— Извини, приятель, сам понимаешь, лучше тебе внутрь не ходить — дамы начнут в обморок падать.

— Послушайте, дяденька матрос, — взмолился Гена, потому что любопытство его разгорелось до крайности, — разрешите хоть в окошко посмотреть, хоть одним глазком увидеть...

— Для чего тебе драгоценность? Украсть прицеливаешься? — насторожился часовой.

— Я, как и вы, живу на корабле. А сегодня хочу устроить себе праздник — взглянуть на серебряное чудо, потом из дерева вырезать такой же кораблик, покрыть серебряной фольгой и украсить им свой катер.

— В окошко смотри, не жалко, — разрешил часовой.

Гена приник к окну, сквозь щелку в шторах увидел в освещенной гостиной на столе, на белой скатерти чудесный кораблик. Он поблескивал сверкающими парусами, пускал искры драгоценными камнями, прилаженными вместо сигнальных огней. Гене даже померещилось, что по фрегату бегают крошечные матросики, а суровый капитан, сам Петр Великий, хриплым голосом отдает им команды.

Чтобы продлить праздник, Гена отправился в магазин, купил закуску и вновь явился к дому командира базы, когда уже изрядно стемнело. Матроса с автоматом у дверей уже не было. Гена опять приник к окну и любовался корабликом, пока не стало совсем темно и ничего нельзя было уже разглядеть... Уходить отсюда Гене не хотелось, ведь праздники так редко бывают в нашей жизни. Бродяжка обошел дом, с другой стороны увидел деревья. Выбрал самое близкое к дому, чтобы можно было смотреть в окно. Забрался на него, нащупал удобный сук, вместо сиденья положил обрезок доски, найденный неподалеку, и устроился как в настоящем кресле. Свет в гостиной уже не горел, но Гена успел рассмотреть и запомнить кораблик до мельчайших деталей и уже воображал, как выберет подходящую доску, непременно из липы или осины, сделает специаль-

ный нож и начнет резать... Из чего сделает мачты, паруса. А вместо драгоценных камней поставит разноцветные стеклышки, они тоже любят пускать солнечные зайчики. Получится у него кораблик не хуже адмиральского.

Гена был сам себе хозяин. Сидеть на дереве среди толстых ветвей в виду контр-адмирального дома и не торопясь закусывать ему понравилось. Досиделся до того, что попросту уснул, тесно прижавшись к толстой ветви и охватив ее руками, чтобы ненароком не свалиться спростонок.

Пробудился он от осторожного скрипа — кто-то крепким ножом открывал наружную раму. В темноте Гена с трудом различил человека, одетого во все темное, в шапочке, натянутой на лицо, с прорезями для глаз. Он открыл окно в комнате, где никого не было. Затем Гена увидел его в гостиной. Незнакомец зажег крошечный фонарик, открыл портфель-дипломат, из него вынул плоскую бутылку, в портфель убрал кораблик. Дипломат перенес и поставил около открытого окна, чтобы не искать потом, сам же исчез в темноте дома.

Гена не колебался ни секунды. Скользнул вниз, как ящерица, подобрался к окну, запрыгнул в комнату. Замок на дипломате оказался простым. Гена извлек из него кораблик, сунул для тяжести обрубок доски, на котором сидел. Быстро вернулся на свое дерево, забрался высоко, в самую гущу, поцеловал кораблик и положил его в заброшенное воронье гнездо. Пусть попробует ночной гость его там найти. Без промедления спустился вниз. Стубило Гену любопытство, захотел узнать, что еще мог стащить в доме контр-адмирала таинственный вор. Сунулся в окно и тут был схвачен за ухо.

Человек в маске за несколько секунд заклеил рот, связал руки и ноги. Встряхнул дипломат, услышав стук доски, принял ее за кораблик, удовлетворенно хмыкнул. Притащил мальчишку в гостиную, швырнул на пол, ткнул ногой, прошипел:

— Лежи тихо, не пикни, а то... — и ударил ногой еще раз для острастки, полил на пол бензин... Гена замер ни жив ни мертв. Понимал, что его могут сжечь.

Человек в маске открыл окно в гостиной, высунул голову и послушал, что говорят пришедшие с доской мальчишки. Потом спрятался за де-

ревянной лестницей, ведущей на второй этаж.

В гостиной мальчики посветили фонариками по стенам и не увидели жулика, он был в темной одежде, лицо закрыто черным. Не заметили и Гену, он лежал в углу. Сразу залезли на стол, сняли со стены картину. Гена засопел носом как только мог сильно, замычал... Ребята его услышали, осветили и даже узнали. Тут и произошло самое страшное. Человек в маске полил лестницу и пол в коридоре бензином и чиркнул спичкой. Сухое дерево загорелось как порох. Испуганные ребята удрали в окно. Извиваясь, как червяк, Гена дополз до окна, но подняться на ноги не смог, так туго связал его поджигатель. Он уже терял сознание, надыхавшись дыма и газа от горящей мебели, когда вернулись мальчики. Он плохо помнил, как оказался на свободе. Только оказавшись в парке, около памятника Петру I, пришел в себя, сел на землю, стал размышлять.

С бронзовым Петром Великим, стоявшим в парке, у Гены были особые отношения. Царь не гнушался бездомным мальчишкой, при его появлении ни разу не отвернулся, не зажал нос, не поглядел с презрением на пропахшую отбросами одежду. Каждое утро, проходя мимо, Гена снимал головной убор, если он имелся на голове, и приветливо произносил:

— Здравствуй, царь Петр.

Памятник, естественно, не отвечал, но и не плевал вслед. Вечером, проходя к своему катеру, желал царю спокойной ночи и хорошей погоды, летом чтобы не мочил дождь, осенью чтобы не трепал шторм, зимой чтобы не прохватывала до костей лютая стужа. В общем, желал царю того, чего и самому хотелось. И даже жалел временами — у Гены как-никак имелась крыша над головой, а царь-памятник жил хуже бомжа — оставался ночевать под открытым небом.

Отдыхавшись после пожара в доме контр-адмирала и ретирады из опасного места, Гена сказал царю-памятнику:

— Твой серебряный фрегат теперь у меня. Я его спрятал в гнездо вороны. Только что с ним делать? Отнесу на катер — украдут или отнимут. Даже показать никому нельзя — в кутузку посадят. Хочешь, подарю тебе? Закопаю в землю около твоих ног, и пусть лежит еще триста лет. Что скажешь, сосед?

Глава 11 Боцман, трап поднять!

Мама разбудила ребят в восемь тридцать. Они нашли свою одежду вычищенной, отутюженной, с накрепко пришитыми пуговицами. Пора было идти провожать отца.

На пирсе вокруг группы солидного начальства растекалась вольница — провожающие красавицы невесты, жены, дети, друзья, родственники. Прощальный сумбур носил несколько деловой оттенок, последние указания смешивались с морским присловьем: «Семь футов вам под килем».

К старпому Некрашу, как всегда перед отходом, бесконечной чередой шли подчиненные с вопросами, требующими немедленного разрешения, потому что на хорошем старпومه и держится благополучие всего корабля. Но все же он выкроил три минутки, сбежал по крутому трапу на пирс, обнял жену и торопливо спросил:

— Дома все в порядке?

— Да, дети вот они, со мной. Сергуня из Морского корпуса тоже желает тебе счастливого плавания.

— Мне на корабль позвонил твой сердечный дружок следователь Зотов.

— О, представляю, как вы душевно поговорили, надеюсь, у корабельного доктора имеется в аптечке валидол?

— Я в ужасе! Оказывается, мой сын спалил дом контр-адмирала! Тебе пришлось брать его на поруки.

— Не волнуйся, все знают — Зотов большой путаник. Это зачтется, когда апостол Павел начнет взвешивать его грехи. Не беспокойся, я с детьми и не дам их в обиду. Не зря меня называют Железной леди. Не позволю и волоса тронуть на голове твоего сына. Иди в поход со спокойной душой.

Олег смотрел на отца и не понимал, то ли он нежно обнимает маму, то ли повис на ее плечах, чтобы не рухнуть на причал. Во всяком случае, мама нашептала достаточно, чтобы он смог стоять, не опираясь ни на кого, а потом вполне самостоятельно подняться по крутому трапу на высокую корму «Гангута».

Потом, ночью, в часы отдыха, посреди Балтийского моря, будет ворочаться в койке стар-

пом, досадуя на себя, что в эти трудные для семьи дни он не рядом с сыном. А сейчас Некраш у всех на виду командует отходом. На пирсе знают: если на отходе старпом в хорошем настроении, можно быть спокойным за родных, значит, на корабле полный порядок, рейс пройдет удачно. Все смотрят, и он четко, властно отдает команды:

— ...Боцман, трап поднять!

Глазастый Олег увидел, как на штурманском мостике появился командир корабля, капитан второго ранга Андрей Рева. Святое командирское право выполнить самую трудную задачу — отойти от пирса, сделать это красиво, чтобы сами моряки и зрители на берегу остались довольны. А ведь они — островитяне, народ искушенный — с младых ногтей привыкли наблюдать виртуозную работу наших и чужих капитанов.

— По местам стоять! Корабль к бою и походу изготовить! — прозвучал приказ капитана.

У молодых курсантов, что впервые идут в поход, от этой команды мурашки по спине — кто знает, как встретит их море, какие сюрпризы готовит океан-бабушка? Может, бешеным ураганом попочует!.. Но тьфу, тьфу, тьфу... Трижды сплюнем через левое плечо, ведь так можно и самим беду накликают.

Отданы швартовы, к кораблю подходят два буксира, берут корабль «за ноздрю», оттаскивают от пирса, нацеливают большое хищное тело между гранитными стенками мола, ограждающего гавань от волн. Вот «Гангут» вышел на рейд, отвалили буксиры, из труб повалил горячий, почти бесцветный дым, корабль вспенил воду, за кормой вырос бурун, стальной красавец, боевой корабль взял курс в Мировой океан.

Олег уже не машет рукой, но глаза еще блестят, их украдкой приходится вытирать. Прощаясь, отец шепнул: «Береги, сынок, мать и сестру. Теперь ты старший мужчина в доме».

— Куда сейчас пойдешь, мама?

— Я приглашена на обед к контр-адмиралу, а чем вы собираетесь заняться?

Через несколько часов мама станет мучительно вспоминать каждое слово, сказанное детьми, потому что... Но не станем забегать вперед.

Глава 12 Меченый ботинок

После проводов отца ребята втроем зашли домой. Юля сняла яркое платье, надела джинсы и курточку. Олег вырядился в белые полотняные штаны и футболку. Глеб как был, так и остался в спортивном костюме, в котором, как он считал, можно пойти и в пир, и в мир, и в добрые люди.

Привычным движением, на всякий случай, нажал кнопку у козырька кепарика. И вдруг услышал в наушниках отчетливое: «Пип... Пип...» Стервятник вернулся в Кронштадт и находится где-то неподалеку!

Юный детектив посмотрел на ребят с виноватым видом:

— Не могу словами выразить, как мне хочется быть с вами... Но неподалеку появился один неплохой человек — я хочу его отыскать... Потом сразу прибегу в яхт-клуб.

Юля удивленно вскинула брови, тряхнула пустым рюкзаком и свернула в продовольственный магазин. Олег нахмурился:

— Нам без тебя в море не справиться с парусами, — сел на автобус номер три и уехал.

Глеб повертел головой, определил, откуда идет звук радиомаяка, и побежал по улице в том направлении, шепча:

— Где же ты, поджигатель, хочу увидеть твое мерзкое лицо...

Радиомаяк привел его на незнакомые улицы, куда-то на окраину города, заставил петлять, Глеб оказался в глухом, мрачном переулке. Оглянулся, увидел незнакомые дома, и ему стало страшно. Понял, что перестарался, хотел убежать, да уж и не знал, куда безопаснее. Замер, словно загнипнотизированный. Вот скрипнула какая-то дверь, из нее вышел здоровенный тип в шапочке, натянутой на лицо, с прорезьями для глаз.

Говоря откровенно, не готов был Глеб к такой встрече, совершенно не готов. Что можно сделать? Неужели придется сгинуть здесь, на окраине чужого города? Но кто способен ему помочь? Только один человек во всем мире! — Выхватил из кармана часы, данные Граем в дорогу, может, в них крошечный микрофон спрятан? Прижал ко рту и торопливо, горячо зашептал:

– Детектив Грай, вы меня слышите? Вы меня слышите? Говорит Глеб Федотов. Я попал в засаду! Поджигатель заманил меня в безлюдный переулочек. Идет на меня, все ближе и ближе. Сейчас схватит. Бежать некуда, я заблудился. Прошу помощи!

Развернулся, чтобы дать задний ход, а там еще один из подворотни выходит, в такой же шапочке с прорезьями на лице. Подошли к нему, взяли за руки, крепко взяли, не вырвешься. Молчат, смотрят злыми глазами. И тут появился третий, одетый точно так же. Посмотрел сквозь прорези сверкающими глазами, глухо рыкнул:

– Утомил. Такой дотошный.

Другой его поддержал:

– Шныра. Пугается под ногами.

Третий молча кивнул головой, мол, согласен.

Первый вынул из кармана брюк нож-выкидушу, из ручки с лязгом выскочило сверкающее лезвие. Двое других сжали руки, как клещами, не шевельнуться.

В тот же момент в конце переулочка послышался легкий стук палочки. Все разом повернули головы. Глеб увидел знакомого мужчину в мятой фуражке, клетчатых несуразных брюках, жиденькой бородкой и бородавкой около уха. Парусный капитан спас его в парке, он же приходил в яхт-клуб и рассматривал фрегат. И теперь двигался в черных очках, постукивая палочкой по краю тротуара, чтобы не оступиться.

– Флаг и гюйс поднять! Отдать швартовы... Прямо руля.

Первый бандит сказал:

– Старая пакля! Опять объявился? Пора с тобой посчитаться.

Слепой приблизился, наклонил голову, посмотрел вверх очков ясными глазами:

– Эскадре лечь на боевой курс. Найти турок и драться, хотя бы всем погибнуть.

Бандиты отпустили Глеба, вынули ножи.

Второй сказал:

– Бред сумасшедшего капитана. Как он нас выследил?

Третий:

– Откроем ему кингстоны. Пусть навеки ляжет на дно.

Первый согласно кивнул головой. Говорить больше не о чем. Сделал длинный выпад, стремясь воткнуть нож в живот пришельцу. Тот от-

шагнул вбок, словно ждал, мгновенно палка свистнула по воздуху, ударила по руке, так что нож выпал, звякнул по булыжнику мостовой и покатился, сверкая лезвием. Тут все трое разом бросились на заступника Глеба, и началась свистопляска, которую описать невозможно, в которой мозг участников отключается и люди действуют как автоматы, прямо на подсознании, и поэтому потом не могут вспомнить происшедшего. Все трое с дикой яростью налетали на пришельца, а он ни секунды не находился в покое – прыгал, вертелся, приседал, нырял под удары, успевая палкой молотить по ногам и рукам... Минуты через три все разом опомнились, замерли. Глеб все так же стоял, прижавшись спиной к стене. С одной стороны от него – запыхавшиеся бандиты с побитыми кистями рук, с другой – сверкая глазами, тяжело дышал спаситель, с палкой наготове. Он оказался так ловок, что не дал никому из них ударить себя... Посередине на камнях валялись три ножа. Преступники поняли – в рукопашной им не одолеть незнакомца.

Главарь сунул руку за пояс брюк, где у него под рубашкой находился наготове наган, выхватил оружие. Бывший слепой, растоптанные очки которого хрустели под ногами, сунул руку под мышку, где в наплечной кобуре тоже хранилось кое-что, навел на бандита пистолет Макарова. Несколько секунд они стояли недвижно, глядя прямо в глаза друг другу.

По стене дома Глеб сполз вниз, зажал ладонями уши.

– С тобой мальчишка, – сказал первый. – При любом раскладе ты его не спасешь. Поэтому нам лучше расстаться без стрельбы.

Пришелец чуть заметно кивнул.

– Мы уходим? – вопросительно произнес второй.

Третий стал молча пятиться в подворотню. Его подельщики двинулись следом и скрылись во дворе.

Глеб поднялся на дрожащие ноги, посмотрел на лицо спасителя и, неожиданно для себя, рассмеялся истерическим смехом:

– У вас бородавка отвалилась и висит на ниточке.

– Могло быть гораздо хуже, – заметил тот, водворяя бородавку на место, поближе к уху. – Могла и голова повиснуть на ниточке.

— Вы кто? — спросил Глеб. — Как только мне становится плохо, вы тут как тут, словно с неба спускаетесь.

— Старая пакля, — усмехнулся тот. Собрал ножи, завернул в носовой платок, убрал в карман.

Вместе они вышли из переуллка, и тут Глеб внимательно посмотрел на мастерские автобазы — толстого длинного червяка из гофрированного алюминия. В его наушниках громко и призывно слышались сигналы: «Пип...Пип...» Понаблюдал немного, остановил взгляд на двери в торце червяка, которая на его глазах закрылась сама по себе, словно от порыва ветра. Дверь словно магнитом притягивала Глеба. Бросая взгляды то в одну, то в другую сторону, подошел вплотную и рывком открыл. Вдвоем было не так страшно.

Внутри увидел полуразобранные автомашины, верстаки, станки. И ни одного человека. А в наушниках отчетливо, громко звучало: «Пип... Пип...» Может, бандиты спрятались, засада? Прислушался — действительно, за верстаком вроде звякнула железка, а потом снова стало тихо.

Глеб медленно пошел по мастерской, оглядываясь по сторонам, и увидел у стены темно-зеленую машину «Жигули»-девятку без номеров. Багажник оказался не заперт. Внутри на резиновом коврик красовался замшевый ботинок — тот самый! Нагнулся и даже разглядел на нем своего жучка, который вколол в задник во время драки в парке. И теперь он давал сигналы: «Пип... Пип...»

Глеб нагнулся, принюхался — ботинок бензином пахнет. Как он здесь оказался? То ли потеряли, то ли подкинули специально. Но теперь это не имело значения. Он отыскал вещественное доказательство, которое можно отдать в отделение милиции. Протянул руку, чтобы взять ботинок...

— Кх... Кх... — услышал за спиной деликатное покашливание.

— А если тут ловушка? — произнес молчаливый спутник. Порывшись в недрах соседнего верстака, отыскал моток тонкой проволоки.

— Сейчас проверим гостинец.

Осторожно, не дотрагиваясь до ботинка, обмотал проволоку вокруг шнурка, отошел подальше, присел за крайний верстак и призывно

махнул рукой. Глеб поспешно прибежал к нему. Мужчина отдал конец проволоки:

— Твоя находка, сам и тяни.

Глеб немного смутился, не подвох ли тут? Но все же полегоньку потащил. Только натянулась проволока — ахнул взрыв, лягнули железки в верстаке, сверху посыпались стекла лампочек... Они выглянули из-за верстака — в алюминиевом боку мастерской появилось новое окно — без стекол, зато с фасонистыми рваными краями.

— Какой жучок пропал, — вздохнул Глеб с жалостью.

— Сто граммов тротила... И ни грамма меньше... Тебе, воробышек, повезло, считай в рубашке родился, — отрезал мужчина. — Теперь бежим, пока автослесари с обеда не пришли. Они на взрыв быстро примчатся.

Выбежали на улицу, Глеб хотел рвануть, но мужчина его задержал:

— По улице нельзя бежать, люди бросятся следом и схватят. Нужно идти спокойно, как ни в чем не бывало.

Выйдя на улицу, на свет солнца, Глеб pokrutil головой, но старого парусного капитана с бородавкой около уха уже не увидел. Решил — Грай прислал кого-то из своих помощников ему на выручку.

Глава 13

Что хотел знать контр-адмирал?

Галина Борисовна Некраш сидела за обеденным столом вместе с контр-адмиралом Пенным в полуобгоревшем доме, где все носило следы борьбы с огнем.

— Я накричал на пожарных, — рассказывал Пеннин. — Они резво прикатили и ударили из всех стволов. Ну и затопили дом по самую ватерлинию. Жена забрала сына и укатила в Петербург к сестре.

Из фарфоровой супницы контр-адмирал налил госте куриный бульон, насыпал в тарелку гренки.

— А ваш сын — лихой молодец, сначала хотел по доске забраться в мою спальню. Когда не вышло, нырнул в окно гостиной. Я сплю чутко, но ничего не слышал. Они потоптались под окнами. Ночью земля была влажноватой, поэтому

оперативники проследили их путь к соседнему дому за доской и обратно. Что они искали в моем доме? Я своего спрашивал, в чем дело? Тот молчит, уперся, краснеет и молчит. А глаза в пол, смотреть мне в лицо боится, стыдно... Ваши ребята увидели на первом этаже пожар и, вместо того, чтобы бежать от греха подальше, давай его тушить, да и меня криком подняли.

Пересказывая события ночи, адмирал шутил, но под конец спросил с тревогой в голосе:

— Что они искали? Мир, к сожалению, так устроен, что родители о своих детях узнают все последними, не связано ли это как-то с вашей Юлей и моим Игорем?

— Связано, — ответила Галина Борисовна и рассказала про поездку девчонок в дальний форт, купание в виде русалок, рисунки Ольги Мартыновой и скандальную выставку, которую по просьбе художницы Игорь хотел устроить у них в доме, в центре которой должен был находиться откровенный портрет Юли... Про поджигателя, пропажу серебряного фрегата и связанного мальчишку — бомжа Гену Бобракова.

— Голову потерять можно, — волновался Пенин. — На атомном крейсере через день пожар... Выставка голых девчонок в моей гостиной, теперь этот поджигатель решил спалить мой собственный дом, да еще подкинул мальчишку-сироту...

— Попробуйте смотреть глубже, — предложила Некраш.

— Если глубже — кто-то усиленно добивается, чтобы я закопался в личных делах и ослабил внимание к флоту, к своему любимому детищу — атомному крейсеру «Петр Великий».

Пенин немного успокоился. Но к ложке больше не притрагивался. Аппетит пропал. Он снова заговорил о своем сыне.

— Вообще-то, влюбляться для парня нормально и естественно. Но при этом надо оставаться человеком, уважать людей, с которыми дружишь. Я стал замечать, что Игорь небрежно относится к девушкам. Меня это тревожит. Наверное, я сам тут виноват, недоработал. Не хочется, чтобы сын стал ветреником. Мне ваша Юля симпатична, девушка с твердым характером. Хочется, чтобы мой шалопай попал в хорошие руки.

Потом Пенин поинтересовался, как идет поиск серебряного фрегата.

— Старушка Шонвик звонит мне каждый час, понять не может — как могли украсть кораблик из моего дома. Я не знаю, что ей отвечать.

Когда Галина Борисовна шла на встречу с контр-адмиралом, то боялась — он станет кричать на нее, топтать ногами, упрекать, что скверно воспитывает детей. Но, выйдя из дома командира базы, почувствовала облегчение на душе. Он понял драму, разыгравшуюся у молодых людей.

(Окончание следует)

□

Александр Петрович ГОСТОМЫСЛОВ

родился в 1940 г. в Ленинграде.

Окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета.

Около двадцати лет работал в редакции журнала «Костёр».

Автор четырнадцати книг прозы.

Пишет документальные и приключенческие произведения, детективы.

Первая книга «Карта кладоискателей» вышла в 1984 г.

Член Союза журналистов и Союза писателей России.

